

ЕЛЕНА ЧЕРНОЛЕССКАЯ

КРОВНИЦА ЗВЕРЯ

Осторожнее с мечтами

12 СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Чернолесская

Кровница Зверя.

Осторожнее с мечтами

<https://litres.ru/74457088>

SelfPub; 2026

Аннотация

Елене сорок пять. Взрослый сын, любимая работа, вечная усталость и одна мечта — чтобы все наконец оставили её в покое. Утренняя прогулка с собакой закончилась опасной встречей. Для него она — бесценная находка. Для неё он — чудовище, которое отняло её имя, семью и свободу.

История о женщине, которая слишком долго была сильной. И о звере, который впервые научился беречь.

Книга содержит сцены жестокости, описание травмирующих событий и откровенные интимные сцены. Не рекомендуется к прочтению лицам младше восемнадцати лет и тем, кто остро воспринимает темы насилия, потери контроля и принуждения. Все события и персонажи вымышлены; автор не оправдывает и не пропагандирует насилие.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	45
Глава 4	63
Глава 5	78
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Елена Чернолесская

Кровница Зверя.

Осторожнее с мечтами

Глава 1

Елена

Утро выдалось из тех, ради которых стоит просыпаться в воскресенье ни свет ни заря. Солнце заливало мир щедрым, ещё не жарким светом, и воздух пах так вкусно, что его хотелось съесть.

Сразу после завтрака мы с Марсом рванули в лес. Я врубила музыку погромче, опустила окно и запела во весь голос, не заботясь ни о слухе, ни о приличиях. Воскресенье, раннее утро. Никто не услышит, никто не осудит.

Эти прогулки давно стали моей отдушиной. Единственным местом, где можно было выдохнуть. Работа за последние годы вымотала до состояния выжатой тряпки — мне казалось, что я не живу, а обслуживаю бесконечную очередь чужих задач. Короткие отпуска не спасали: две недели дня на размораживание, а потом снова в упряжку. Я не умела говорить «нет», и этим пользовались — охотно, привычно. Да, платили. Но деньги давно перестали что-то компенсиро-

ровать. Хотелось одного: снять с себя всё. Ответственность, контроль, вечную необходимость думать за всех. Хоть на день. Хоть на час. Просто — остановиться. А вообще хотелось йогурта и на ручки, но приходилось заливать литры кофе и работать, работать, работать.

Марс на заднем сиденье нетерпеливо тыкался мокрым носом мне в ухо. Он прекрасно знал, куда мы едем, и от нетерпения не мог усидеть на месте. Перебирал лапами, повизгивал, мотал хвостом так, что раскачивал машину.

Свернула на грунтовку, быстро припарковалась. Как и ожидалось, ни единой души. В такую рань здесь можно встретить разве что таких же сумасшедших собачников, как я. Стоило открыть дверь, Марс вылетел стрелой, ткнулся носом в землю и понёсся вперёд, задрав хвост победным флагом.

Я шла за ним не торопясь, запрокинув голову. Небо было удивительно голубым с редкими облаками, похожими на ключья растрёпанной ваты. Зелень вокруг ещё хранила ту особенную, весеннюю сочность яркую, какая бывает только в конце мая.

Ступив на тропинку, ведущую в глубь леса, я с наслаждением вдохнула полной грудью. Воздух пах землёй, хвоей и разогретой на солнце смолой. Маршрут был уже стандартный, мы гуляли здесь чередуя направления.

На любимой полянке, той, где тропинка раздваивалась, предлагая выбор, я присела на поваленное бревно. Прислу-

шалась. Лес звучал и молчал одновременно: шелестел листвою, щёлкал дроздом где-то в кроне, дышал и при этом был наполнен такой глубокой, первозданной тишиной, будто весь мир уснул, а я забрела в чужой, нетронутый сон. Марс умчался в ближайшие кусты, шуршал там, фыркал, занятый своими важными собачьими делами. Как же хорошо: тихо, никто ничего не требует, телефон молчит, вокруг ни-ко-го.

Я сидела долго. Так хорошо, так спокойно, что не хотелось двигаться. Уже собралась подниматься, когда меня пронзило острое, животное чувство опасности, от которого волоски на затылке встали дыбом, а в груди похолодело. Краем глаза уловила движение за спиной.

Вскочила, оборачиваясь. У дерева стоял мужчина. Я не услышала, как он подошел, не увидела. Он просто материализовался и все.

Он не двигался. Смотрел на меня в упор. Взгляд был холодный, оценивающий, с лёгкой ноткой презрения.

Высокий, сильный и абсолютно уверенный в себе — это считывалось сразу, по развороту плеч, по тому, как небрежно он опирался на ствол. Волосы опускались до плеч прямыми, почти платиновыми прядями. Лицо жёсткое, словно вырезанное из кости. Глаза ледяные, ярко голубые, даже скорее бирюзовые. Губы чуть кривились в предвкушающей полуулыбке, от которой в груди и в животе все заледенело.

Руки в карманах, спокоен, расслаблен. Как хищник, которому некуда торопиться.

— Доброе утро, — рискнула я нарушить молчание, потому что его пристальный взгляд был хуже любых слов.

— Ну, привет, ранний завтрак.

Голос низкий, бархатный не вязался с ледяными глазами, он оттолкнулся от дерева и сделал шаг ко мне.

Я в ужасе отступила, не понимая, о чем он говорит, лихорадочно просчитывая варианты: убежать — вряд ли, кричать бесполезно, до ближайшего жилья километры. Марс... Он ушел далеко, да и не смог бы помочь. Против этого человека мой пёс не защита.

В следующее мгновение мужчина оказался вплотную, я не успела понять, как он преодолел расстояние и обхватил меня за плечи. Захват был настолько сильным, что я даже не поверила, что не могу двигаться. Дернулась раз, другой — бесполезно.

— Отпустите! — пропищала я, силясь вырваться. Его пальцы лишь сжались крепче.

— Кричать бессмысленно, ничего личного, детка, ты просто оказалась не в том месте и не в то время.

Одна рука скользнула мне на талию, рывком притискивая к горячему мужскому телу. Вторая — на затылок, пальцы впились в волосы, оттягивая голову. Я взвизгнула, упираясь ладонями ему в грудь, было ощущение, что я пытаюсь оттолкнуть от себя каменную статую.

Мозг в панике цеплялся за нелепые, ненужные детали. Жар кожи, запах сандала. Ярко-голубые, абсолютно равно-

душные глаза.

А потом он резко наклонился и впился зубами мне в шею, вернее клыками.

Я закричала от боли и тут же поперхнулась собственным криком. Грудь и шею запекло, правое плечо начало стремительно неметь. Распахнула глаза и увидела над собой безмятежное небо. Такое красивое. Такое равнодушное к тому, что происходило внизу.

Он пил мою кровь. Пил — по-настоящему. Это не сказки, не фильмы, не бред воспалённого воображения.

В голове мутилось, мысли рвались, как нитки, не успевая сложиться во что-то осмысленное. Я слышала его сдавленный рык, утробный, нечеловеческий. Рука на талии сжалась так, что рёбра хрустнули предупреждением. Я застонала, ноги подогнулись, мир ушел куда-то вбок. Он лишь легко перехватил меня, как тряпичную куклу, и прижал к груди, не дав упасть.

Боль была дикой. Такой, от которой не кричат, а немеют. Я сучила ногами, пыталась оттолкнуть, он не замечал моих попыток. В глазах темнело — сначала по краям, потом всё гуще, всё ближе к центру. «Всё. По ходу, умираю. Нелепо и глупо. В лесу, весенним утром, под пение птиц.»

— Ну, наконец отдохну, — прошептала я и закрыла глаза. Если бы не боль, то это можно было бы назвать легкой смертью. Тело становилось невесомым, я просто засыпала.

Блондин оторвался от моей шеи. Я почувствовала, как

теплая струйка крови, щекоча, скользнула по коже вниз, к ключице, к груди — медленно, почти нежно.

Я с усилием подняла веки, последнее, на что хватило воли. Он смотрел на меня, не отрывая взгляда. Радужка его почти светилась: пульсировала нечеловеческим, ледяным светом, и это было единственное, что я ещё различала в сгущающейся тьме. Всё остальное уже потонуло в серой мгле: лес, небо, а эти глаза горели.

И в них неожиданно плескалось изумление, неверие и ужас. Он был потрясён и напуган. Тот, кто только что пил мою кровь, был напуган.

Я успела почувствовать, как он осторожно опустил меня на землю, увидеть силуэт, закрывающий собой небо. Жёсткая ладонь легла мне на шею, с силой вдавливаясь в место укуса, будто пытаюсь удержать во мне то, что он сам же забрал.

Я закричала от невыносимой боли и наконец отключилась
Алекс.

- Чёрт. Как же я упустил момент.

Голод настиг внезапно — острая жажда ворочалась в горле. Она всегда со мной: то сильнее, то слабее — вечный фоновый шум, к которому привыкаешь за десятилетия. Но сейчас она взорвалась, разрослась до масштабов, с которыми разум справлялся с трудом.

Слишком долго я не пил живую человеческую кровь, всё откладывал на потом. Теперь вряд ли смогу удержаться и не

убить. Черт, как некстати.

Увидев подходящий лесок, решил заехать, в таких всегда находятся одиночки, любители ранних прогулок, пробежек. Слишком близко к дороге, но тянуть дальше нельзя, иначе не сдержусь в присутствии людей. Заметив на обочине красную машину, удовлетворённо кивнул. Проехал дальше и загнал свою глубже в чащу, с дороги не видно.

Стоило выйти из машины, как в нос ударил запах. Он тянул, манил, втягивал, как водоворот. Такого густого аромата я не встречал ни разу за всю свою долгую жизнь. Голод обострял восприятие. Пошёл по следу, не думая, не анализируя, тело двигалось само, ведомое инстинктом.

Когда вышел на поляну, мне открылась картина, достойная кисти импрессиониста: на бревне, спиной ко мне, сидела девушка. Пушистые кудрявые волосы, чуть ссутуленные плечи, расслабленная поза человека, который верит, что он в безопасности. Ощутил рядом собаку, но животные боятся меня как огня, пёс не станет проблемой.

Медленно приблизился, оперся на дерево и застыл, рассматривая свою добычу. Инстинкт требовал одного: впиться в горло, немедленно, сейчас.

Но что-то останавливало. Аромат был необычный, не просто манящий, он был другим, требовательным. И девчонку было откровенно жалко, сидит в своем маленьком раю, безмятежная, ничего не подозревающая. Однако меня тянуло к ней невыносимо, жажда размывала остатки воли.

Она обернулась. О нет, уже не девочка. Женщина, лет сорока. Вскочила, отступая, в глазах вспыхнул ужас. Волосы взметнулись. Запах ударил в мозг, выжигая последние барьеры.

Моя. Схватил. Впился в шею, разрывая кожу. Она кричала, отбивалась, но я практически ничего не ощущал, только теплую, солёную влагу, текущую по горлу. Внутри всё ликовало, пело, звенело. Вот она уже обмякла. Прижал крепче, чувствуя конвульсии хрупкого человеческого тела в своих руках. До слуха донесся слабый шепот: «Отдохну». И в голове внезапно прояснилось, жажда отступила, мгновенно, как будто ее и не было. Я застыл. Не веря своим ощущениям. Меня распирает от энергии, а ум ясен. Так не бывает. Так не бывало никогда.

Поднял голову. Вгляделся в ее лицо, продолжая сжимать в руках. Для меня она всё равно девчонка, как ни крути: я старше ее втрое.

Ее глаза мутнели, гасли. Даже находясь на краю смерти, она смотрела мне в лицо, не мигая. Уже не сопротивлялась, руки безвольно повисли вдоль тела.

Осознание обрушилось лавиной: кровная, я нашёл свою кровную и почти убил.

Быстро, но максимально бережно опустил ее на землю. Зажал рану ладонью. Она жалобно, отчаянно вскрикнула и потеряла сознание. Волосы разметались по траве. Я знал, какую боль она сейчас испытывает: мой мутаген в ране вызы-

вал сильное жжение. И я даже был рад, что она отключилась.

Сбросил с плеча сумку. Экстренный медицинский пакет всегда с собой, учитывая мой образ жизни. Завел вверх одну её руку, быстро наложил давящую повязку. Положил ладонь на грудь. Плохо. Сердце бьётся быстро, как у птицы.

Но я не могу потерять её, не имею права. Впервые за сотню лет тяга к крови исчезла.

Подхватил обмякшую девушку на руки, для меня она была невесомой, быстро зашагал к машине, всматриваясь в бледное лицо с испариной на лбу. Губы серые, ресницы подрагивают.

Как же я не распознал сразу по запаху, кто она? Почему, почему именно она попалась мне на пике голода, когда мозг отключен и работает только инстинкт?!

Электроника среагировала на моё приближение, водительская дверь распахнулась. Аккуратно усадил девчонку на сиденье, придерживая одной рукой, чтобы не сползала. Она застонала, видимо, начиная приходить в себя. Достал телефон и набрал медцентр.

— Потеря крови. Первая положительная. Четыре дозы. Сосудистый хирург должен быть готов. Буду через пару часов, максимум через три, — коротко бросил я и отключился, не дожидаясь ответа.

Обошёл машину, максимально откинул пассажирское сиденье. И перенес её, придерживая голову и шею, чтобы снова не открылось кровотечение.

Девчонка шевельнулась, я быстро склонился к ней, жестко удерживая за плечи, чтобы не дать ей двинуться. Только не сейчас.

Елена

Первое, что я почувствовала, — боль. Она была повсюду — ноющая, всепроникающая. Но шея, правое плечо и грудь горели особенно сильно. Правую руку я не ощущала вовсе, она была как чужая.

Попробовала открыть глаза. Надо мной опять тёмный силуэт. Зрение прояснилось: я в машине. И тот самый голубоглазый мужчина нависает надо мной, пристально вглядываясь в лицо.

Вампир? Или... что он такое?!

Ужас швырнул меня назад. Я вжалась в сиденье, пытаюсь отстраниться. Горячие руки тут же легли мне на плечи, не давая пошевелиться.

— Нет. Не двигайся.

Голос — глубокий, не терпящий возражений. Он наклонился так близко, что платиновая прядь скользнула по моей щеке.

— Что вы... — начала я, но шею пронзила такая боль, что слова застряли в горле.

— Чёрт! — сквозь зубы выругался мужчина. — Кровотечение открылось.

Его ладонь сжала шею. Из глаз брызнули слёзы. Вторая рука легла мне на рот, заставляя замолчать. Он поймал мой

взгляд и держал требовательно, жёстко.

— Не шевелись. Не говори. Ты поняла? Моргни, если да.

Он смотрел, не отпуская меня и не позволяя двинуть ни головой, ни плечом. Я покорно моргнула, сил сопротивляться всё равно не осталось, тело меня не слушалось.

— Умница.

Убрал руку с моих губ и снова занялся раной: что-то приложил к шее. Было больно, но я старалась не шевелиться. Взгляд рассеянно скользил по салону. Белая кожа, хромированные детали, дорогая отдушка. Давление на шею наконец исчезло.

Блондин аккуратно, кончиками пальцев, поправил мне волосы, убирая с лица. Прикосновение было неожиданно осторожным, как к чему-то хрупкому. Он исчез из поля зрения на секунду и возник снова. На лицо опустилась дыхательная маска.

— Кислород, — ответил он на мой испуганный взгляд. — Сейчас будет укол, не пугайся и постарайся не дергаться.

В его руках появился шприц-ручка. Я почувствовала жесткие пальцы на плече, затем короткий укол. И все равно рефлекторно дернулась. Мужчина наклонился и принялся методично защёлкивать удерживающие ремни. Их было несколько. Я оказалась полностью обездвижена, ощущая себя мухой в паутине.

Придирчиво осмотрев результат, он достал нож. Я вздрогнула.

— Тише, — его пальцы мимолётно коснулись моей щеки. — Тебе нечего бояться. Я никогда больше не причиню тебе вреда. Я всё объясню позже. Сейчас главное сохранить тебе жизнь.

Он перерезал повязку, фиксирувавшую мою руку, и переложил её вдоль тела. Дверь захлопнулась, обдав меня потоком воздуха. Мужчина сел за руль. Его пальцы легли на моё запястье. Он сдвинул брови и покачал головой, я сама не понимала, почему запоминаю эти детали, вспышками. Не могла пока до конца осознать, что со мной произошло.

Слуха коснулось мягкое урчание двигателя. Удивительно, но меня почти не болтало, машина шла мягко, плавно, словно плыла, даже на грунтовке. А когда вырулили на асфальт, я услышала набирающий мощь рёв мотора.

Мужчина повернулся ко мне.

— Если хочешь выжить, повторю: не пытайся говорить и лежи смирно. Нет, я не угрожаю. Я констатирую факт. Сейчас кровотечение из поврежденной вены удерживают лишь повязка и гемостатик. Ослушаешься — кровотечение откроется снова. А кровопотеря, как ты понимаешь, уже критическая. Ты просто умрёшь, и я ничего не успею сделать. Поэтому будь добра не дури. Дай себя вытащить.

Я слушала и не могла поверить. Он — тот, кто только что почти убил меня. Тот, кого не существует в реальном мире, во всяком случае, в моем мире. Страшная или сладкая сказка, в зависимости от предпочтений в фэнтези. И вот сейчас

он куда-то везёт меня, чтобы, с его слов, спасти, и уговаривает не дурить.

Может, я в психушке. Может, всё это — галлюцинация.

Лежала, прислушиваясь к монотонному гудению мотора. Мы мчались по дороге, а в груди расплзалась острая боль, словно вонзили клинок и медленно проворачивают. Ужасно хотелось закрыть глаза, но страх не отпускал. Всё вокруг казалось дурным сном — вязким, нелогичным, таким, от которого не получается очнуться.

Я лихорадочно пыталась осмыслить происходящее. Не знала, какой препарат он мне вколол, но постепенно сердце застучало ровнее. Дышать стало легче, а боль немного отступала. Не уловила сколько мы ехали, сознание то покидало, то возвращалось.

Внезапно мужчина чертыхнулся и начал притормаживать.

— Ты ведь не хочешь, чтобы из-за тебя пострадали невинные люди, — произнёс он, поворачиваясь. Его глаза были холодные и безразличные, как два осколка зимнего неба. — Не дергайся. Просто моргни один раз.

Мои глаза расширились от ужаса. Тут и думать нечего. Конечно, не хочу. Медленно моргнула.

— Вот и хорошо, — ухмыльнулся он. — Лежи спокойно и молча. Больше от тебя ничего не требуется.

К водительской двери уже подходил сотрудник ГИБДД. Мой похититель за мгновение преобразился: лицо стало взволнованным, человеческим, — и опустил стекло.

— Нарушаем? Куда так мчимся?

Но полицейский уже увидел меня с маской на лице и осёкся.

— Здравствуйте, офицер. Виноват. Жене очень плохо, — блондин говорил спокойно, уверенно. - Везу в медцентр.

— Помочь? Сопроводить?

— Спасибо, уже почти доехали. Буквально километр.

Нас отпустили. Я поняла, почему он отказался от сопровождения: тогда потребовали бы документы. А документов на случайную жертву из леса у него, разумеется, не было.

— Умная, послушная девочка, — улыбнулся он, не отрывая взгляда от дороги.

А я внезапно разозлилась. Сжала челюсти. Это ничтожное движение вызвало такую боль в шее, что в глазах потемнело.

— Я же сказал — не шевелись! — рявкнул блондин, оглядываясь на меня, и вдавил газ в пол. Он включил аварийку, несколько раз просигналил. Я не понимала, что за машина, но, судя по салону, она стоила больше моего дома. Нас пропускали мгновенно, словно чуяли хищника.

Резкое торможение. Меня потянуло вперед, боль взвинтилась до предела. Я не смогла сдержать жалкий, тихий стон, вырвавшийся сквозь стиснутые зубы.

Он рванул ремень и вылетел из машины. Через секунду распахнул дверь с моей стороны. Склонился, обхватывая шею ладонью. Пальцы с силой надавили на место укуса.

В глазах сверкнуло. Я вскрикнула.

— Глупая девчонка, — бросил он с презрением, но пальцы на шее чуть ослабили хватку, не исчезли, нет, просто стали чуточку бережнее.

Рядом возник кто-то ещё. Руки блондина оставались на моей шее, пока его помощник расстёгивал удерживающие меня ремни. Спинка сиденья поднялась, и я увидела двухэтажное современное здание в окружении деревьев. Вокруг сустились люди в белых халатах.

— Готов? — бросил блондин, не отводя от меня взгляда.

Его рука скользнула мне под плечи, не давая пошевелить головой. Одновременно помощник подхватил меня под колени и поясницу. Меня извлекли из машины и переложили на каталку.

Вокруг тут же закипела профессиональная суета, но он продолжал фиксировать мою шею невозмутимо, как будто делал это каждый день. Меня вкатили в помещение — предоперационная, судя по обстановке. Над головой уже покачивался тёмный пакет с донорской кровью.

Холод металла коснулся кожи, кто-то разрезал мою одежду. Блондин даже бровью не повёл, продолжая удерживать мой взгляд. И я не могла отвести глаз, как кролик перед ударом. Что скрывалось в этих голубых льдинках? Я не понимала. Зрение начало затягивать вязкой пеленой.

— Перекладываем. Раз, два, три! — прозвучал чей-то голос, и я оказалась на операционном столе. О, как же мне это знакомо. Поверхность была с подогревом. Режущий свет

ламп. Запах антисептика.

Блондин чуть отстранился, но пальцы от шеи не убрал. На лицо снова опустилась маска.

— Хороших снов, девочка, — ровно произнес он. — Посчитаем вместе? Десять... девять...

Восемь я уже не услышала. Мне вкололи наркоз...

Глава 2

Алекс

Наконец я почувствовал, как тело моей кровницы обмякло, напряжение спало, а веки, дрогнув, закрылись. Подошедшая медсестра, вопросительно заглянув мне в лицо, протянула руку к шее девушки, готовая сменить мои пальцы на зажим. Я кивнул и отступил, освобождая дорогу профессионалам.

Взглянул на свои руки — пальцы были густо испачканы в крови. Ко мне тут же подскочила молоденькая санитарка. Стреляя глазками, она предложила проводить меня в уборную, чтобы «привести себя в порядок».

— Веди сразу в палату, куда положат девушку, — отрывисто бросил я, окинув ее ладную фигурку взглядом.

Симпатичная, но не зацепила.

Как только дверь за мной закрылась, я медленно облизал пальцы. Внутри моментально вспыхнуло пламя, подтверждая мою гипотезу.

Умывшись, я устроился в глубоком кресле. Позвонил помощнику. Приказал немедленно доставить в медцентр ноутбук и соединить меня с начальником службы безопасности. Джон ответил почти мгновенно.

— У меня здесь уникальная находка, — начал я без предисловий. — Твоя задача — узнать о ней всё. Кто, откуда,

родственники, работа, скелеты в шкафу... В общем, не мне тебя учить.

— Есть какие-то зацепки, кроме самой «находки»? — спокойно уточнил он.

— Да, её паспорт, права и телефон. Давай-ка дуй в медцентр, здесь перетрем. Не телефонный разговор.

— Буду через полчаса, — коротко сказал начбез и отключился.

Операция должна была продлиться не менее часа, а то и двух — яремная вена просто так не зашивается. Времени у нас было предостаточно. Я нажал на кнопку вызова персонала и приказал принести обед.

Блюда принесли очень быстро, мои вкусовые предпочтения тут знали. В ноздри ударил мощный, почти оглушающий аромат стейка с кровью и свежесваренного кофе. Я даже замер на секунду: таких ярких ощущений я не ожидал. Кровь девчонки начала действовать в полную силу, обостряя чувства до предела. Я принялся за еду, наслаждаясь каждым кусочком. Теперь я понял, ради чего подобные мне десятилетиями ищут своих кровниц. Это был не просто «бонус» к невероятной силе, пульсирующей в каждой клетке тела. Мир вокруг наконец-то обрел вкус.

Я заканчивал трапезу, смакуя незнакомое ранее чувство глубокого насыщения, когда дверь распахнулась. Вошли помощник с ноутбуком и Джон. Поблагодарив первого, я отпустил его, а начбезу указал на соседнее кресло. Джон был

не просто подчиненным, а другом — и одним из немногих людей, кто знал мою истинную природу.

— Ого... — выдохнул он, вглядываясь в моё лицо. — Слушай, ты бы очки надел, что ли. У тебя глаза светятся. Пояснишь?

— Что? — не понял я.

Как-то недосуг было разглядывать себя. Я встал и подошел к зеркалу.

— Дьявол...

Я рассматривал своё отражение. Радужка стала насыщенно-голубой и действительно испускала мягкое сияние даже при дневном свете.

— Интересно, заметил ли кто-то из персонала... — пробормотал я.

— Еще бы, — подтвердил Джон, протягивая мне очки с легким затемнением.

Надев их и убедившись, что эффект скрыт, я вернулся к обсуждению.

— Это как-то связано с твоей «находкой»? — поинтересовался Джон, подавшись вперед.

— Да, она моя кровница. И, честно говоря, я едва успел остановиться. Слишком уж давно не пил кровь, организм практически был на грани дикого голода.

— Алекс, это многое меняет.

Джон уставился на меня с жадным изумлением.

— Давай всё, что у тебя есть.

Я поднялся, коротким жестом приглашая его следовать за собой. Шаги гулко отдавались в тишине коридора.

— Её сумка осталась в машине. Пойдем.

В салоне всё еще ощущалось ее присутствие: легкий травяной шлейф и неуловимо сладкий, притягательный запах ее крови. Я достал потертый коричневый рюкзак и, не церемонясь, вытряхнул содержимое. Первым на сиденье лег смартфон. Я извлек сим-карту и бросил оба предмета Джону. Тот поймал их на лету.— Разберешься без её пальца? — в моем голосе промелькнула холодная усмешка.

Джон вскинул на меня насмешливый, понимающий взгляд.

— Очень остроумно, Алекс. Разумеется.

Я продолжил инспекцию её нехитрого скарба: паспорт, права, кошелек, из которого выскользнули две банковские карты, наличности было всего пара тысяч. Передав документы Джону, я задержал в руках паспорт. Раскрыл его, пролистывая страницы с печатями прошлой, навсегда утраченной для нее жизни. Удовлетворенно хмыкнул.— Надо же... А ведь я бы не дал ей больше сорока. Ну, почти угадал. Я протянул документ начбезу.

— Мой мутаген уже начал свою работу. Обратный отсчет запущен. Через пару недель она будет выглядеть максимум на двадцать пять — тридцать лет. Мне нужна абсолютно новая легенда: имя, фамилия, биография. Ни единой ниточки, ведущей к этой женщине.

Я указал в сторону выезда.

— Машина осталась в лесочке у поселка Телеша в районе города. Сделай так, чтобы ее поиски не затянулись, а финал выглядел... фатально и естественно. Оптимально — нападение зверя в лесу, тело, разумеется, не найдут, заberi ее одежду. И еще одно: там где-то осталась её собака, если получится, отловите и доставьте ко мне.

— Порода? — Джон уже делал пометки в планшете.

— Дворня. На вид — черно-рыжее лопоухое недоразумение. Но запах... — я прикрыл глаза, переносясь мысленно в тот лес — Там явно примесь волка.

Забрав трофеи, Джон сел в свое авто и покинул территорию медцентра, а я вернулся в палату. Время замедлилось. Опустившись в кресло у окна, я заказал чай. Когда принесли дымящуюся чашку, я замер, вдыхая. Купаж раскрывался сотней нюансов, которые раньше были мне недоступны. Определенно, всё вокруг обрело резкость и глубину. Цвета стали почти осязаемыми. Но главное — жажда. Жажда, что была моей тенью десятилетиями, ушла. Теперь кровь станет лишь необходимым энергетиком, который будет нужен не так уж и часто. И была еще одна мысль, от которой по коже пробежал почти забытый электрический разряд: если я не ошибаюсь, моя кровница способна подарить мне наследников.

Дверь бесшумно разошлась в стороны. Санитары вкатили каталку. На белых простынях лежала девушка, погруженная

в медикаментозный сон.

«Елена», — мысленно произнес я. Красивое, певучее имя. Пожалуй, оставлю его. Оно ей идет.

Слаженные движения персонала — и вот она уже переложена на кровать, укрыта одеялом, а рядом мерно капает капельница. В палату вошел врач, его движения спокойны без излишнего раболепия я уважал таких людей.

— Мистер Алексис, — сообщил он, — операция прошла хорошо.

Персонал всегда обращался ко мне полным именем.

— Теперь требуется только временный покой и хорошее питание, уже завтра девушку можно будет забрать домой. Медсестра прибудет к тому же времени. Первые три дня — исключительно жидкая пища. Все препараты и график введений будут у персонала.

Врач чуть склонил голову.

Я поднялся, протягивая руку.

— Благодарю, Андрей Михайлович. Вы и ваша команда проделали великолепную работу. Премияльные будут зачислены на ваши счета к утру.

Я ценил лояльность и профессионализм. В моем мире страх — хороший стимул, но уважение, подкрепленное деньгами — фундамент власти.

Когда за последним сотрудником закрылась дверь, я подошел к кровати. Склонился над своей ценной «добычей», вслушиваясь в её неровное дыхание. Она была бледна. Под

закрытыми веками залегли глубокие тени. Какое-то время она будет испытывать дискомфорт от попавшего в кровь мутагена. Еще несколько дней он будет отзываться ломотой и жжением во всем теле и головной болью. Но результат... результат она оценит.

Я разглядывал её лицо, и внутри, где-то в самой темной глубине сознания, заворочалось незнакомое раньше чувство: острая, почти физическая потребность закрыть её собой от всего мира. Собственничество, смешанное с инстинктом защитника.

Я протянул руку и кончиками пальцев отвел упавшую на лоб прядь. Осторожно, едва касаясь, очертил контур её лица. Елена судорожно вздохнула, её черты исказились в гримасе ужаса.

Бойтся меня. Даже во сне чувствует присутствие хищника. Что ж, это поправимо. Стокгольмский синдром еще никто не отменял, а у нас впереди много времени. Я сел и замер, не сводя с неё взгляда. Я умел ждать.

Елена

Сознание возвращалось медленно, как это всегда бывает после глубокого наркоза. По крайней мере, жива, подумалось сразу. Открывать глаза не хотелось: веки казались налитыми свинцом, в затылке пульсировала тупая боль, а тело ощущалось как один сплошной, ноющий синяк.

В тишине мерно выстукивал ритм монитор — тонкий, стерильный писк. Других звуков не было. Я попыталась разо-

мкнуть ресницы; мир двоился и плыл, веки дрожали, отчаянно сражаясь с остатками лекарств. Постепенно из тумана проступили очертания комнаты. Это было мало похоже на муниципальную палату: кессонный потолок со скрытой мягкой подсветкой, отделка из натурального дерева, благородный бежевый шелк обоев. На стенах пара пейзажей в тонких рамах, изящные бра, а прямо напротив кровати широкая панель телевизора. Дорого, статусно, пугающе.

Вместе с четкостью зрения вернулась и память. Предшествующие события ворвались в голову ледяным потоком, и в них сложно было поверить. В одной руке стоял катетер, вторую я, преодолевая сопротивление мышц, поднесла к горлу. Кончики пальцев коснулись плотной многослойной повязки. Значит, не привиделось.

А через секунду меня накрыло тем же животным, первобытным чувством опасности, что и в лесу. Внутри всё заледенело. Я дернулась, пытаюсь осмотреться, и тут же вскрикнула — шею и грудь прошила острая, колющая боль.

— Не дергайся так.

Раздался слева низкий вибрирующий баритон. Я чуть повернула голову. У окна сидел блондин.

— Ты в безопасности, в моем медицинском центре. Тебе больше ничего не угрожает.

Я узнала этот голос. Сердце пустилось вскачь. В груди как будто пустота образовалась.

Он поднялся и подошел почти вплотную. Его ладони тя-

желым грузом легли мне на плечи, не давая пошевелиться. Я замерла, глядя прямо в ярко-голубые, почти светящиеся глаза своего похитителя. В голове билась одна-единственная мысль: он либо сумасшедший, возомнивший себя вампиром, либо... Но у психопатов не бывает таких клиник. Такой абсолютной, ледяной уверенности в каждом жесте. Его близость вызывала дрожь — странный сплав из тошнотворного ужаса и какого-то иррационального ощущения защищенности.

— Меня зовут Алекс, — представился он. Нажав кнопку на панели управления, он плавно поднял спинку кровати. Вторая рука продолжала удерживать меня за плечо, мягко, но настойчиво.

— Тебя подлатали, жизни ничто не угрожает, но резкие движения сейчас тебе противопоказаны.

— И... что теперь? — мой голос был похож на шелест сухой листвы. — Кто вы? Вы ведь...

Я поперхнулась словами, сглатывая липкий ужас. Мужчина скривился и, отпустив меня, вернулся в кресло.

— Елена, ты меня боишься. Это естественно. Инстинкт жертвы перед высшим хищником, — он обозначил улыбку. — Да, сегодняшнее утро не было твоим дурным сном. Да, в ваших мифах нас называют вампирами. Но я не то существо, которое рисует твое воображение. Мы сами веками подкармливали человечество сказками, чтобы запутать следы. Ты узнаешь всё, но позже. Сейчас тебе нужен покой.

— А что потом? — я жадно рассматривала его. На вид — лет сорок, сорок пять. Властное красивое лицо, взгляд целовека, привыкшего к беспрекословному подчинению. Угрозы в его глазах сейчас не было, но аура опасности, заполнившая палату, буквально кричала: «Беги! Перед тобой зверь!». — Мои родные... они ищут меня. Им нужно сообщить, что я здесь.

— Тебя больше нет для твоих родных, — жестко отрезал он. — Теперь ты моя.

Лицо его оставалось спокойным, а у меня перехватило дыхание. В голове воцарился хаос. «Моя»? Пальцы похолодели, в горле застрял горький ком. Я молчала, пытаюсь нащупать хоть какую-то опору в этой безумной реальности. Прямо сейчас я была беспомощна. Нужно было играть по его правилам, а дальше посмотрим. Справившись с дрожью, я спросила:

— Что значит «ваша»? Вы собираетесь... постоянно питаться моей кровью?

Я не стала кричать о правах или законе — это казалось бессмысленным. Гнев кипел внутри, но разум заставлял затаиться, нужно выяснить больше деталей, понять, что и как, а уже потом пытаться действовать. Мужчина дернул щекой.

— Нет, это лишь человеческие легенды. Кровь действительно была нужна мне для поддержания энергетического баланса, но я питаюсь обычной пищей. Почти обычной — в основе рациона мясо. Но кровь... иногда необходима. Ча-

ще — пара глотков. Ты оказалась в неудачном месте в самое неудачное время. Хотя, смотря для кого, — его лицо вдруг смягчилось, улыбка сделала его почти человеческим. — Для меня всё сложилось как нельзя лучше. И теперь я тебя не отпущу.

— Почему? — я зацепилась за его слова. — Почему «была нужна»? В прошедшем времени? А теперь нет?

— О, это самое интересное, Елена.

То, как он произносил моё имя, тягуче, почти пробуя на вкус, вызывало у меня странную дрожь.

— Ты — моя кровница, так мы вас называем. Твой организм вырабатывает антитела, которых нет у большинства людей. Это обусловлено редкой генетической мутацией. Если говорить просто, твоя кровь дала мне свободу от чувства жажды. Мы ищем таких, как ты, десятилетиями. Теперь чистая кровь мне потребуется лишь в исключительных случаях.

— Чего?! — я ошарашенно уставилась на него и села. — То есть автор «Сумерек» про особую кровь жертвы не придумала?

— Нет! Это здесь не при чем, — раздраженно сказал он, пресекая сравнение с известным романом. — Я объясню позже. Ляг, пожалуйста.

Он снова оказался рядом, непреклонно уложил меня на подушки и нахмурился, глядя на показания приборов.

— Тебе больно. Почему молчишь? — Он нажал кнопку

вызова на панели. — Успокойся — пульс зашкаливает.

Дверь бесшумно отворилась, на пороге появилась медсестра.

— Успокоительное и анальгетик, быстро, — скомандовал Алекс.

Девушка тоже глянула на монитор, на меня и, качнув головой, быстро ушла.

— Ваши руки... Они очень горячие. Отпустите меня, — прошептала я.

Боль во всем теле нарастала, кожу щипало, но на фоне его откровений это казалось чем-то вторичным. Только сейчас я заметила, какое у меня рваное, загнанное дыхание.

— Это особенность расы. Моя температура выше человеческой на три-четыре градуса. Нет, не отпущу, не надейся.

Медсестра вернулась со шприцем и ввела лекарство в порт капельницы.

— Сейчас станет легче, — мягко сказала она. — Не нужно терпеть, Елена. Вам нужен сон. Когда проснетесь, будет гораздо лучше.

Она легко дотронулась ладонью до моей руки и вышла.

Я посмотрела на Алекса. Язык не поворачивался произнести его имя вслух. Он кивнул, словно прочитав мои мысли, и опустил спинку кровати.

— Поспи, и запомни: тебе ничего не угрожает. Я не причиню тебе вреда, больше никогда, а твой страх передо мной скоро пройдет. Засыпай.

На меня накатывала сонливость. Боль начала растворяться в приятной неге. Я ощутила, как он нежно, почти невесомо коснулся кончиками пальцев моей щеки.

«Конечно, не причинишь», шепнул затихающий разум, «если не считать того, что я твоя пленница».

С этой мыслью я провалилась в темноту.

Алекс

Я смотрел на Елену. Она наконец уснула, и ритм её сердца выровнялся, превращаясь в мерное, успокаивающее постукивание. Мне опять захотелось прикоснуться к ней, и я осторожно провел кончиком пальца по её щеке, едва коснулся губ и зацепил прядь волос, пропуская её сквозь пальцы, словно шелк.

Объективно — она была обычной. Симпатичная, да, но первой красавицей её не назовёшь. Меня всегда окружали девушки модельной внешности. Она — не такая. Но в ней ощущалась мягкая, естественная притягательность. И её страх... Он буквально выжигал меня изнутри. Эта смесь ярости и болезненного желания защитить девчонку выбивала из колеи. Только вот от кого её защищать? От самого себя? Теперь, когда она забылась сном и перестала смотреть на меня как на чудовище, колющее раздражение в груди начало стихать.

«Ладно, — подумал я, — пора покопаться в архивах». Я слишком мало знал о кровниках. Раньше я никогда не пытался найти ее целенаправленно. Слишком они были редки,

не хотелось тратить время.

Тишину разрезала вибрация телефона. Взглянув на дисплей, я поморщился, но звонок был из тех, что нельзя игнорировать.

— Слушаю, — бросил я, отходя к окну, чтобы не разбудить ее. — Организуй веб-конференцию. Через пятнадцать минут буду в сети.

Дела требовали моего присутствия, как бы мне ни хотелось остаться в этой палате. Здесь, в медцентре, у меня был кабинет. Я прихватил ноутбук и направился к выходу, но у самой двери еще раз обернулся. Она спала безмятежно, черты лица разгладились. Кардиограф показывал стабильный ритм — боли нет. Хорошо.

В коридоре я коротким кивком указал медсестре на дверь.

— Идите к ней. Как только проснется, немедленно позовите меня. Сколько действует снотворное?

— Около двух часов, мистер Алексис, — пробормотала она, прижимая к груди планшет.

Женщина постаралась обойти меня по широкой дуге, едва не врезавшись в косяк: когда я был зол, люди особенно сильно опасались меня. А сейчас я был в бешенстве. На самого себя за то, что напугал Елену до дрожи, и на моего давнего конкурента, хотя вернее бы назвать его врагом. Обычный человек, но каким-то образом он пронюхал о моей истинной природе. Кто-то слил информацию, и этот «кто-то» очень скоро пожалеет о своем рождении.

Шагая к кабинету, я прокручивал варианты. Но ни при каких обстоятельствах Елена не должна оказаться под ударом. Я открыл ноутбук и подключился к связи. Пока руководители подразделений сыпали докладами, в моей голове уже выстраивалась стратегия. Всё было не так скверно, как малевал мой помощник, но поработать придется.

Прошло полтора часа, прежде чем я осознал: о чем бы ни шла речь на совещании, мыслями я всё равно возвращался к ней. Это странное притяжение к кровнице удивляло и сбивало с толку. Отдав последние указания, я закрыл конференцию, достал сплайнер и связался со Старшим из моего родного мира.

На экране появилось лицо моего брата, Танаджи. Он окинул меня внимательным, чуть ироничным взглядом.

— Алексис? Какими судьбами? Неужели ты соизволил вспомнить о родне? Не прошло и полвека.

— Есть дело, Танаджи. Нужна информация.

Брат выглядел неприлично довольным. Еще бы: недавно он получил разрешение на продолжение рода.

— Ну-ка, ну-ка, удиви меня, «малыш», — подначил он.

Я лишь усмехнулся. В другое время я бы ответил на шпильку, но сейчас было не до игр.— Мне нужно всё по кровницам. Вся информация, которая есть. Пришли максимально быстро.

— Да ты что? — Маска иронии мгновенно слетела с его лица. В глазах вспыхнул острый, почти хищный интерес. —

Неужто нашел ее?

— Похоже на то. — Я откинулся на спинку. — Во всяком случае, голод исчез. Я чувствую прилив сил, а мир... он будто стал ярче.

— Тогда не сомневайся. — Брат серьезно кивнул. — Это точно она. Покажешь? — Не сейчас. — Я поморщился. — Она в моем медицинском центре. Я чуть не убил её, Тан. Она попалась мне в самый паршивый для нее момент.

— Ты допустил дикий голод? — Лицо брата потемнело. — Почему? Ты же знаешь, к чему это ведет. Тебе дьявольски повезло, что ты сумел остановиться. Убийство кровницы после того, как ты получил ее кровь, уничтожило бы тебя.

— Да, но так сложились обстоятельства... — Я снова потер переносицу, вспоминая свой ужас, когда смотрел на нее, умирающую в моих руках. — В какой-то момент меня будто ударили по голове. Рассудок прояснился мгновенно, а жажду отрезало, как ножом. Это меня и остановило. Кстати, что ты сказал про связь?

— Давай-ка я просто пришлю тебе файлы, изучишь на досуге. Сочувствую, брат. Она теперь, небось, боится тебя до дрожи?

— Да. — Я невольно сжал зубы. — Но не панически. Смотрит, слушает, анализирует. В ней есть стержень. Хотя страх... очень сильный.

— Бесишься? — понимающе хмыкнул Танаджи.

— Да. Откуда... — Я удивленно посмотрел на него

— Оттуда. Инстинкт защитника, Алексис. Ты хочешь оберегать свою пару, а главный источник угрозы в ее понимании сейчас — это ты сам. Нелегко тебе придется. Ладно, изучай, сейчас всё скину. Бывай. Рад был увидеть тебя. Сообщи, как будут развиваться события.

— До связи. — Кивнул я ему. Экран сплайнера погас. Я несколько минут сидел в тишине, переваривая услышанное. В дверь тактично постучали.

— Войдите. — Я поднял голову, глядя на дверь. В кабинет заглянул медбрат.

— Елена проснулась, мистер Алексис.

Я закрыл ноутбук и поднялся.

— Иду. Пусть принесут ужин в палату — на двоих.

Я быстрыми шагами направился к той, кто теперь по законам крови и судьбы принадлежала мне. И которой я теперь принадлежал еще больше. А вот как ее смирить с этим, не сломав, хороший вопрос.

Короткий писк сплайнера в кармане оповестил: брат прислал обещанные данные. Дверь в палату передо мной предупредительно открыли. Первое, что я увидел, — её каре-зеленые глаза, в которых застыло ожидание. Стоило мне переступить порог, как по нервам хлестнул отголосок страха Елены. Но теперь он был не таким сильным. Я заставил себя выдохнуть, умирив внутреннее напряжение, и устроился напротив, положив ноутбук на стол.

— Как ты, Елена? — спросил я, не сводя с нее глаз и лоя

малейшее изменение в мимике.

Она полулежала, опираясь на высоко поднятое изголовье кровати — кто-то из персонала уже позаботился о её комфорте.

— Боли почти нет, — отозвалась она едва слышно. — Только слабость... Такая, что трудно пошевелиться.

— Слабость — это нормально. Кровопотеря была практически фатальной. А что касается боли... Не стоит геройствовать. Сразу говори, если станет больно: тебе введут анальгетик. На тебя действует мой... скажем так, яд. Это последствие моего укуса.

— Что? — Во мне снова резонансом отозвался ее испуг. — Вы... ядовиты? И что теперь со мной будет?

Я видел, как на её губах дрожит следующий вопрос, но она сдержалась. Лишь в глазах полыхнуло отчаяние. Я невольно усмехнулся.

— В каком-то смысле да. Я объясню подробности позже, в более подходящей обстановке. Но с тобой ничего плохого не будет. Напротив, эффект тебе даже понравится. И нет. — Я не сдержал короткого смешка. — Вампиром ты точно не станешь. Кстати, как насчет того, чтобы перейти на «ты»?

Она тут же опустила глаза, внезапно заинтересовавшись складками простыни.

— Нет.

— Почему?

— Я не могу, — она произнесла это сухо, с достоинством.

— Мы едва знакомы, и я... я нахожусь в заведомо зависимом положении от вас.

Я поморщился. Упрямство. Что ж, придется приручать её шаг за шагом. Короткий стук в дверь прервал наш разговор. Медсестра вкатила столик с ужином: мой традиционный стейк, крепкий кофе. А для Елены — высокий бокал с белковым коктейлем и сок.

— Елена, попробуйте, как вам будет удобнее, — мягко произнесла медсестра, поправляя подушки и помогая ей сесть. — Можно через трубочку, можно прямо из бокала. Твердая пища вам пока противопоказана.

Я наблюдал за своей кровницей, подмечая нюансы её эмоций. Она искренне поблагодарила женщину и взяла бокал. Первая же попытка пить через трубочку заставила её болезненно сморщиться. Я почувствовал эту вспышку боли в горле как свою собственную. Внутри меня заклокотала глухая ярость, требуя немедленно защитить пару от боли. С этим нужно было что-то делать.

Елена не проронила ни звука. Она просто вытащила трубочку, аккуратно промокнула её салфеткой и отложила в сторону, решив пить прямо через край. — Так гораздо проще, спасибо. — Кивнула она медсестре, и та ушла.

Я принялся за мясо, но взгляд мой по-прежнему был прикован к ней. — Я подавлюсь, если вы будете так на меня смотреть, — вдруг спокойно произнесла Елена. Она продолжала пить коктейль маленькими, осторожными глотками.

Я ухмыльнулся, признавая поражение в этой маленькой дуэли.— Извини. Пей спокойно, не буду тебя смущать.

Я сосредоточился на еде. Стейк был великолепен. Я наслаждался тем, что полностью ощущал его вкус. Когда с мясом было покончено, взял в руки чашку ароматного кофе и посмотрел на Елену. Её бокал опустел, и теперь она сама изучала меня — внимательно, сосредоточенно.

Я чуть приподнял уголки губ, стараясь максимально смягчить жесткие черты лица. Судя по тому, как в её глазах мелькнуло удивление, мне это удалось.

— Вкусно хоть было? — поинтересовался я.

— Да, вполне. Напоминает растаявшее ванильное мороженое.

— Глотать больно?

— Немного. Но через трубочку было чувствительнее, когда так пьешь, терпимо.

Я выждал паузу и произнес максимально буднично: — Завтра я отвезу тебя к себе домой.

Я внимательно следил за ее реакцией: посмотрела в сторону, щеки порозовели — злится. Ну что ж, гнев — это уже понятнее, уже лучше, чем страх, его легко перевести в страсть.

— И что это значит? — голос слегка дрогнул. — Я больше никогда не увижу своих родных?— Ты — увидишь. А они тебя — нет.

Ритмичный писк кардиомонитора вдруг участился, превращаясь в тревожную дробь. Зря я затеял этот разговор сей-

час. Она еще слишком слаба. Я поднялся с места и подошел вплотную к кровати.

— Давай обсудим это позже. — Я почти силой вложил стакан с соком в её пальцы. — Попей. Тебе сейчас нельзя волноваться.

Она сделала глоток и бессильно откинулась на подушки, тяжело вздохнув. Я ощутил ее сопротивление. Грёбанные сложности. Я не привык к такому. Обычно женщины сами вешались мне на шею, а с ней... с ней всё было как в первый раз.

Я чуть склонил голову, пытаюсь поймать её взгляд, но она упрямо смотрела в сторону. Я решил не форсировать события, вернулся в кресло и погрузился в работу, многое еще было необходимо спланировать.

Краем глаза я продолжал наблюдать. Она цедила сок крошечными, почти механическими глотками, уставившись в пустоту перед собой. Когда стакан опустел, она не поставила его, а принялась медленно крутить в пальцах, словно изучая грани стекла.

— Может тебе принести планшет? Чем хочешь заняться? — нарушил я тишину. Елена вскинула голову, и на этот раз её взгляд, прямой и колкий, вонзился в мой. — Почитать? Фильм? Или, может, игры?

— Да, если можно, — в её голосе внезапно зазвучала искра жизни.

— Можно.

Через пятнадцать минут гаджет уже был в руках у Елены. Всё это время она сидела неподвижно, вновь превратившись в изваяние, но едва коснувшись экрана, заметно ожила.

— Мне нужны наушники, — тихо попросила она.

Медбрат, стоявший все это время в дверях, посмотрел на меня вопросительно. Я едва заметно кивнул. Когда дверь за сотрудником закрылась, Елена вдруг произнесла:— Вас бо-
ятся. Очень сильно.

Я невольно приподнял бровь.

— Ты эмпат?

— Наверное. Я всегда слишком хорошо чувствовала людей.

Я хмыкнул, внутри просыпался азарт. Девчонка была куда сложнее, чем показалось вначале.

— Ты права, страх — это инстинкт, особенно когда я зол.

Вернулся медбрат, передал запрошенное, и нить разговора оборвалась. Дождавшись, когда мы останемся одни, я негромко добавил:

— Надеюсь, мне не нужно напоминать, что писать комментарии или подавать сигналы не стоит?

— Я даже не думала об этом, — буркнула она и, отгородившись от меня наушниками, сосредоточилась на экране.

В кармане завибрировал телефон. Начбез.

— Да, — сухо произнес я, давая понять, что говорить открыто не могу.

— Принял, — отозвался Джон. — Я подготовил отчет по

девушке. Привезти или скинуть в облако?

— Сбрасывай. Есть что-то стоящее?

— О, более чем. Весьма любопытный экземпляр.

— Жду.

Я разорвал связь. Елена застыла, погрузившись в просмотр. Губы едва заметно шевелились, будто она подпевала кому-то. Нужно будет позже проверить историю посещений.

Телефон пискнул, пришло письмо. Я углубился в чтение, и строки отчета начали складываться в четкую картину. Взрослый сын, студент... Муж? Ну надо же, двадцать шесть лет в браке. Карьера... хм, она действительно умна. Я взглянул на неё, но она была слишком далеко мыслями, чтобы заметить мой интерес. Родители, брат. Любит животных. Ни одного привода, ни одного пятна на репутации. Добросовестный налогоплательщик. «Сама праведность», — я поморщился, почувствовав на языке привкус лимонной оскомины.

Но стоило мне углубиться в ее соцсети, как скука сменилась интересом. О, а вот и «зажигалка». Умение абстрагироваться, острый язык. А это... это уже тянет на статью. Формально ничего криминального, но нынешние законы позволяют раздавить за такое в два счета. И как она решилась?

А, понятно. Обостренное чувство справедливости. Большая девочка, которая всё еще верит в сказки. Что ж, устроим ей сказку.

Прочитав отчет до конца, я почувствовал, что теперь знаю

Елену гораздо лучше. Легко не будет, и это предвкушение заставило меня улыбнуться. Чем сложнее задача, тем слаще результат. Она вздрогнула и повернула лицо ко мне, точно уловив перемену в моем настроении.

Я обратил внимание на время. За окном окончательно стемнело. Пора заканчивать. Я встал, и она вынула наушники, выжидаяще посмотрела на меня. Подойдя к кровати, я мазнул взглядом по экрану. На паузе был какой-то ролик, сгенерированный нейросетью, те же лица, что мелькали в её подписках. Да, этот конфликт явно затянулся, пора бы поставить точку.

— Елена, тебе пора отдыхать.

Протянул руку, и она беспрекословно отдала планшет. Молча. Я посмотрел на приборы у изголовья и покачал головой.

— Тебе снова больно. И ты снова молчишь.

— Монитор показывает уровень боли? — в её голосе проскользнуло удивление.

— Нет. Но я умею читать ЭКГ с экрана. Твой пульс изменился.

Я нажал кнопку вызова. Вошедшей медсестре велел подготовить анальгетик и седативное. Заметив, как Елена поморщилась, я добавил:

— Ты не хочешь химии, но сейчас это необходимость. Тебе нужен глубокий сон.

Она ничего не ответила. Сестра ввела препараты через

порт катетера. Елена почти мгновенно начала медленно моргать, борясь с действием лекарств, но проиграла эту схватку. Ритм сердца начал выравниваться.

Я кивком отпустил медсестру. Оставшись в одиночестве, я позволил себе коснуться её лица, на этот раз она не вздрогнула и не отпрянула. Страха больше не было. Видимо, она начала ко мне привыкать.

Не выдержав, я наклонился и легко коснулся губами ее лба, втягивая носом запах.

— Спи, Елена. Ты привыкнешь ко мне. И тебе понравится быть моей. Обещаю.

Забрав ноутбук и погасив свет, я вышел. На рабочем терминале в коридоре я открыл окно видеонаблюдения, теперь за ней будет приглядывать медперсонал. Я же останусь здесь, в центре. В кабинете есть всё необходимое.

Глава 3

Елена

В этот раз пробуждение не было тяжелым. Открыв глаза, я долго всматривалась в потолок, пытаюсь снова уложить в своей голове произошедшие события. А они никак не укладывались. Осторожно скосила глаза: кресло у кровати пустовало. Горькое облегчение. Рискнув пошевелить головой, я осмотрелась, в палате я была одна.

Резкий вздох отозвался пульсацией в висках. Я закрыла лицо ладонями, чувствуя, как пощипывает кожу, в груди и шее снова начала разливаться нудная, ввинчивающаяся в сознание боль. Мне хотелось проснуться по-настоящему там, в лесу, запрыгнуть в свою машину и почувствовать под ладонью шерсть Марса.

Марс. Сердце сжалось. Он остался там, один, в лесу. Горло сдавило, к глазам подкатили жгучие слезы.

В этот момент я почувствовала движение воздуха — дверь плавно отъехала в сторону, и в палату почти вбежала медсестра.

— Елена, вам плохо? Больно? — Она мгновенно оценила мое состояние. — Сейчас я сделаю укол.

Я лишь стиснула зубы, пытаюсь подавить рвущийся наружу стон.

— Больно, — хрипло выдохнула я. — Просто больно. В

остальном... Все в порядке.

Ложь далась легко, но прохладные пальцы настойчиво отняли мои руки от лица, и я замолчала. Рядом с кроватью стояла другая девушка — видимо, сменщица. В ее руках уже был наготове шприц.

— Доброе утро, что это опять? — я вздохнула

— Доброе утро, Елена. Не пугайтесь, это обычный анальгетик, — мягко произнесла она, подсоединяя шприц к порту катетера.

Лекарство подействовало почти мгновенно, превращая острую боль в тупое, едва заметное эхо.

— Сейчас я помогу вам привести себя в порядок.

Она нажала кнопку на пульте, поднимая спинку. Я кивнула и, опираясь на локти, попыталась сесть. Медсестра тут же подхватила меня за плечи и помогла спустить ноги с кровати. Прохлада пола под ступнями показалась мне высшим блаженством после бесконечных часов неподвижности. Мир тут же качнулся, я зажмурилась.

— Голова кружится?

— Да.

— Не торопитесь, просто посидите. Сейчас пройдет.

Мы сидели так какое-то время, пока вязкий туман в голове не рассеялся. Когда я открыла глаза, рядом с медсестрой уже стоял молодой санитар с медицинским креслом.

— Давайте попробуем встать.

Он вопросительно взглянул на меня, протягивая руки, и я

чуть кивнула. Меня отвезли в ванную комнату. Там мы остались с девушкой вдвоем. Она помогла мне принять душ, причесаться. Я сразу почувствовала себя лучше.

— Спасибо, — с искренней благодарностью произнесла я, когда меня вернули в постель.

— Скоро принесут завтрак, — улыбнулась она в ответ. — А после начнем готовиться к выписке.

Слово «выписка» отозвалось тревогой. Я невольно скривилась, вспоминая, куда именно меня выпишут. Разум пока до конца не соглашался с тем, что все происходящее правда. Мне снова принесли белковый коктейль и сок.

— А кофе можно? — с надеждой спросила я.

— Пока нет. — Юля (я наконец разглядела имя на бейджике) сочувственно качнула стаканом.

— И чай тоже нельзя?

— Нет, Елена, пока вам противопоказаны любые напитки, содержащие тонизирующие вещества. Только вот белковый коктейль и витаминный напиток.

Я вздохнула и взяла бокал в руки, мой завтрак был со вкусом карамели и клубники. Я невольно улыбнулась, наслаждаясь им. Глотать и пить сегодня было терпимо, а может просто анальгетик так подействовал. Едва я допила, как девушка вернулась со стопкой одежды.

— Позвольте, я помогу вам переодеться.

— Юля, не нужно, мне неловко... я сама, — я потянулась к вещам, но девушка отстранила мои руки.

— Елена, пожалуйста. Я могу потерять работу, если не выполню распоряжение мистера Алексиса.

Имя резануло слух. Значит, «Алекс» — это лишь сокращение для доверительного тона. А здесь он полновластный господин. Не желая никого подставлять, я подчинилась. Помощь, впрочем, была нелишней: любое движение рук или наклон отзывались вспышками боли в шее, а уж наклониться и натянуть носки я сама бы точно не смогла.

Оставшись одна, я села на край кровати и уставилась в окно. За ним простирался парк. Нет лес. То есть медцентр выстроен посреди чащи? Интересно я еще в своей области? Сколько мы ехали? Кажется, около часа, плохо помню. Но смотря в какую сторону мы двигались, возможно и покинули область. Машина была мощной, скорость — приличной.

Мне захотелось подойти к окну. Я медленно сползла с кровати, держась за спинку и прислушиваясь к ощущениям. Но не успела сделать и шага, как на пороге палаты появился блондин.

— Что ты творишь, Елена?! — раздался резкий, властный голос.

От неожиданности я вздрогнула и пошатнулась, стараясь сохранить равновесие. В два шага Алекс оказался рядом. Его ладони легли на мои плечи, силой усаживая обратно. Я инстинктивно напряглась, чувствуя исходящий от него жар. Снова слишком близко. Зубы сжались. Подняла голову, встречая его взгляд. Какие же у него голубые глаза. Сегодня

радужка не светилась, но во взгляде читалась опасная сила. Ладони неспешно скользнули по моим рукам вниз, не отпуская. В палате появился медбрат с медицинским креслом.

— Давай без сцен, — негромко произнес блондин, обнимая за плечи и помогая встать.

Я лишь пожала плечами. Да и не собиралась их закатывать, а смысл.

Меня укутали пледом, на плечи набросили шарф. Алекс шел рядом, не переставая говорить по телефону. Те отрывки, что я слышала, пугали. Кто он такой, раз решает такие вопросы?

Лифт тронулся... По ощущениям вверх. Он доставил нас на крышу, и я невольно ахнула. На площадке, поблескивая матовым черным боком, ждал вертолет. Хищный, большой. Около двери стояли два бугая, видимо, охрана. Лица были спокойными и бесстрастными.

Медбрат хотел помочь мне встать, но Алекс остановил его коротким жестом.

— Я сам. — И в трубку: — Перезвоню, как взлетим.

Он убрал телефон, чуть повел головой, считывая мою реакцию, и легко, словно я ничего не весила, подхватил меня на руки. Я не смогла сдержать изумления — никогда не была пушинкой, но на лице Алекса не возникло даже малейшего напряжения.

Меня устроили в глубоком кресле и застегнули ремни. На голову опустились тяжелые наушники с микрофоном. За-

гудел двигатель, лопасти начали разрывать воздух. В салон поднялись охранники, дверь захлопнулась.

Меня накрыла волна ледяного ужаса. В вертолете оказалась впервые, высота пугала меня.— Стоп! — голос Алекса в наушниках прозвучал как удар. Он наклонился, всматриваясь мне в лицо. — Елена, что? Ты боишься? Почему... Ты боишься летать?

Ему не нужен был мой ответ. Его пальцы уже лежали на моем запястье. Он что-то крикнул медбрату, оставшемуся на крыше, и тот бросился назад в здание.

— Я не хочу... снова успокоительное, — прошептала, забыв, что микрофон включен.

— Твое мнение в данном случае меня не интересует, — жестко отрезал блондин. — У тебя сердце из груди выпрыгивает.

Он принял из рук медработника шприц. Перехватил мой локоть — железная хватка не оставила шансов на протест — и ввел лекарство в катетер. Мир тут же накрыло невидимым стеклом. Эмоции выцвели, страх растворился, но ум при этом оставался ясным. Алекс удовлетворенно кивнул пилоту, давая команду на взлет.

Вертолет оторвался от крыши. Полет длился около часа. Алекс, казалось, забыл о моем существовании, снова погружившись в переговоры через ноутбук, но время от времени его горячие пальцы касались моей руки, проверяя пульс. «Заботливый, черт бы его побрал», вяло подумала я. «Бере-

жет свою, как он там меня назвал... кровницу».

Охранники сидели напротив, и я украдкой рассматривала их из-под опущенных ресниц: оружие, рации в ушах, цепкие взгляды. Профессионалы. В голове мелькнула мысль о побеге. Я равнодушно перевела взгляд на окно. Мы летели на север, судя по солнцу. Под нами бесконечным ковром расстилался лес, изредка прорезаемый нитками дорог. Вдалеке мелькнул какой-то город, но наш курс отклонился влево.

Вскоре показалось поместье. Лаконичное здание, встро-енное прямо в лесной массив. Высокий забор — настоящая крепость. На крыше мигали огни посадочной площадки. Я, не выдавая своего интереса, так же безучастно пялилась в окно, фиксируя всё: положение ворот, гаражи, направление дорог. Мозг работал ясно, несмотря на введенное успокоительное.

Посадка была мягкой. Алекс захлопнул ноутбук и первым выпрыгнул из вертолета. Когда он протянул руки, чтобы подхватить меня, я на автомате обхватила его за шею. На его губах промелькнула довольная ухмылка. Ну и пусть. В тот момент, вопреки логике, в его руках я почувствовала себя уютно и в безопасности.

— Не нужно кресло, — бросил он подошедшему сотруднику и понес меня в дом.

Мы миновали просторные залы и вошли в светлую, отделанную деревом спальню. Алекс бережно опустил меня на широкую кровать.

— Отдыхай, Елена. Сейчас придет медсестра, поставит тебе капельницу. Тебе что-нибудь принести? Пока у тебя строгий постельный режим.

— Если можно, планшет, — тихо попросила я.

— Хорошо. Я дам тебе доступ к счету. Если захочешь что-то купить — я покажу, как.

Я посмотрела ему прямо в глаза:

— Здесь тоже везде камеры?

— В коридорах, да. В твоей спальне их нет. Но ты будешь под постоянным контролем, по объективным причинам. — Его пальцы легко коснулись повязки на моей шее. Я нашла в себе силы не вздрогнуть. — Увидимся за ужином.

Он вышел, и его место тут же заняла девушка с медицинской тележкой. Ловушка захлопнулась окончательно, но теперь она была золотой.

Девушка помогла мне улечься на кровати. Приладив капельницу, она настроила скорость подачи раствора.

— Что там? — поинтересовалась я.

— Витаминаы, аминокислоты и лёгкий анестетик, Елена. Вашему организму сейчас нужна поддержка. — Выражение лица стало виноватым. — Ещё, к сожалению, придётся потерпеть несколько внутримышечных уколов. Если захотите воспользоваться ванной комнатой, или вам что-нибудь понадобится — звоните, пожалуйста. — Она указала на кнопку вызова, закреплённую на панели у изголовья. — Сейчас вам что-нибудь принести?

— Нет, спасибо. — Покачала я головой.

Как только медсестра вышла, в спальню вошёл блондин. Он сел на край кровати и протянул мне планшет.

— Здесь уже есть зарегистрированный аккаунт на всех необходимых площадках. Можешь подписываться на любые каналы и даже писать комментарии. Что именно можно писать, а что нельзя — объяснять, надеюсь, не нужно?

Я покачала головой, принимая его.

— К аккаунту привязан банковский счёт. Если захочешь что-то заказать — адрес подтянется автоматически. Лимитов по тратам нет.

— Это не слишком, нет? — Я усмехнулась одним уголком рта. — А если я вдруг решу купить себе автомобиль? Или яхту?

— Покупай, — спокойно ответил Алекс.

— Твою ж... — вырвалось у меня. — Вы настолько богаты и влиятельны?

— Ты даже представить себе не можешь, насколько.

— Так кто вы?

— Давай я сейчас отвечу коротко. А подробный рассказ отложим, пока ты полностью не восстановишься. — Его ладонь легла поверх моей руки, к которой была подключена капельница. Указательным пальцем он медленно провёл по внутренней стороне запястья. Лёгкая, почти невесомая ласка отозвалась внутри неожиданной дрожью. Я судорожно вдохнула, но руки не отдернула — только продолжала смот-

реть на него в упор. Сейчас его лицо было мягким. Он не пугал.

— Хорошо, — согласилась я.

— Но взамен ты начнёшь обращаться ко мне на «ты».

— Нет. — Качнула я головой.

— Упрямая девочка... — тихо проговорил он. — Ладно. Я умею ждать.

Он помолчал секунду, потом продолжил уже ровным голосом:

— Я родился и вырос не на этой планете. Принадлежу другой расе. Но наши виды генетически совместимы.

Я замерла, разглядывая его. Инопланетянин? В голове мгновенно закружились сотни вопросов.

— А остальное — только после перехода на «ты». — Неожиданно легко щёлкнул он меня по носу. Я вздрогнула и очнулась. — А пока отдыхай. Ещё пару дней придется соблюдать постельный режим, потом постепенно начнешь ходить и гулять. Повязку тоже можно будет снять через день-два.

— Макс, — чуть громче произнёс он.

В комнату вошёл высокий, мощный парень лет двадцати пяти в чёрном костюме. Лицо у него было тяжелое, с грубыми славянскими чертами, такое ещё называют «кирпичом».

— Это твой, скажем так, охранник. На самом деле — полностью в твоём распоряжении. Всё, что нужно, если меня нет рядом, проси у него или у Ольги. Она твоя медсестра.

Я окинула парня взглядом и молча кивнула. Интересно, как плотно он будет следовать за мной. Получится ли сбегать?

Ладно. Не будем торопиться.

— Елена, я понимаю, тебе сейчас сложно это принять, — голос Алекса стал ниже, почти бархатным. — Но скоро ты изменишь мнение. Не торопись с выводами.

Пальцы чуть сильнее сжали моё запястье.

— Всё, не буду больше тебя утомлять. Вот только еще что: на планшете можно позвонить, но только мне.

Он наклонился, чтобы смахнуть иконку на сенсорном экране, и сделал это непозволительно близко. Меня мгновенно окутал его терпкий, дурманивший аромат, а прохладная прядь его волос мазнула меня по щеке. Я не выдержала и отшатнулась. Готова поспорить на что угодно — он сделал это специально. Мелкая, расчетливая провокация.

— Вот этот раздел, нажимаешь и попадаешь на мою прямую линию, я услышу тебя всегда. — Он выпрямился, уголки его губ дрогнули, подтверждая мои догадки: моя реакция его позабавила, а вторжение в личное пространство было намеренным.

Подойдя к двери, он снова обернулся, ещё раз взглянул на меня — уже иначе, пристальнее — и вышел. Следом за ним покинул комнату и мой новоиспеченный бодигард.

Дожила, блин. В плену у инопланетянина. Очень богатого. Инопланетянина-вампира. И, похоже, чертовски влиятель-

ного. И всё это — из-за каких-то антител в моей крови. Была бы обычной — уже где-нибудь парила бы на облачке, ну или не парила, я, увы, не святая. А теперь сиди и принимай новую реальность.

Я вздохнула и открыла YouTube. Посмотрю-ка я любимое «Озеро».

Но стоило закончиться третьей серии, как любопытство пересилило страх. Я свернула вкладку и рискнула набрать в поисковике ВК: ничего не случилось: экран не погас, сирена не взвыла, дверь не распахнулась, впуская охрану.

Я зашла на страничку сына. Сердце болезненно сжалось, пропустив удар: судя по закреплённому посту, меня искали. Я прекрасно понимала, что следить нельзя. Стоит мне попробовать добавиться к нему в друзья или подать хоть малейший знак, как это моментально будет пресечено, наверняка где-то сидит специально обученный человек и видит, что происходит на моем экране. Да и не хотела я так подставлять сына. Слезы все-таки покатались по моему лицу. Я поспешно перевернула гаджет экраном вниз. Кто даст гарантию, что прямо сейчас за мной не наблюдают через его фронтальную камеру? Запрокинув голову, выждала, пока слезы не иссякнут, и зло растерла лицо ладонью. Это движение отдалось резью в шее. Так, нужно успокоиться. По крайней мере, он жив, относительно здоров — это главное. Как только меня официально признают погибшей, он вступит в наследство, завешание написано давно, так что он будет обеспечен.

Да, ему будет очень больно. Лишь бы только не бросил учебу... Но в глобальном смысле с ним всё будет хорошо, рядом с ним его девушка, она обязательно поддержит.

Немного придя в себя, я снова подняла планшет. Прочла по сообществам, в которых состоял сын, новых фотографий не появилось. Заглянула на страницу мужа. Там тоже висел пост, посвященный моим поискам. Я лишь с горечью покачала головой. Двадцать шесть лет вместе... Чего только не было за эту четверть века: его измены, предательства, наши бесконечные попытки развестись. И всё же мы умудрились оставаться вместе, сохраняя какую-то странную теплоту. Наверное, сыграло роль то, что он был моим первым и единственным мужчиной. Да и нежелание заниматься разделом нажитого...

Хотя нет, кого я обманываю? Квартиры, машины бы меня не удержали. Просто в самый критический момент он всегда умудрялся помириться со мной, становился таким хорошим, а я не умела долго злиться, если со мной поступали по-хорошему. Эх, вот такая я клуша. Зато теперь развод гарантирован. По факту моей смерти.

Я криво усмехнулась. Не думаю, что он будет убиваться от горя, хотя последний год мы действительно жили душа в душу. Кто знает... Хотя стоп! Почему это я сдаюсь, может еще получится сбежать, главное затаиться и притупить бдительность Алекса. Да, возможно, я до смешного наивна. Вряд ли у меня выйдет переиграть того, кто вершит геополитику. Я

зьябко поёжилась, вспомнив недавний услышанный разговор. Но, в конце концов, кто не рискует, тот не пьет шампанского!

Я решительно закрыла ВК и вернулась к плееру. И тут в голову пришла внезапная, шальная мысль. У меня же теперь безлимит? «Доступ к счету», говоришь? «Яхту можешь себе купить. Ну-ну. Посмотрим.» Я с азартом пробежалась по любимым творческим каналам и стала их спонсором, мстительно подхихикивая и выбирая максимальные тарифы. Теперь Телеграм: прочесала паблики, которые читала последние месяцы, и везде, где только было можно, анонимно задронатил крупными суммами. А вот так! Прямых запретов мне никто не ставил, и транзакции проходили как по маслу.

На канале любимых авторов я зависла надолго. Пролистав обсуждения, я вступила в основную болталку. Аккаунт, с которого я зашла в Телеграм, был абсолютно безликим: ни пола, ни возраста. Писать я пока не решалась, поэтому просто наставила самые простые одобряющие реакции под постами любимых девчонок. Вчиталась в переписки и сама не заметила, как начала в голос хохотать над нашими привычными чатовскими приколами.

Время пролетело совершенно незаметно. В реальность меня вернула медсестра, пришедшая снять капельницу. Она тихо предложила помощь, на которую я согласилась, и снова оставила меня. А я, уже уверенно улыбнувшись самой себе, включила серию «Озера».

Ничего, мы еще повоюем.

Больше я никуда не лезла: смотрела «Озеро» и другие произведения любимых авторов, читала новости. Единственное, пробежалась по группам потеряшек, в надежде увидеть информацию про своего Марса. Но, нет, ее не было.

После обеда, оставшись снова в одиночестве, я осознала, как у меня тянет мышцы. То ли действие анальгетика прекратилось, то ли я просто отлежала конечности.

Встать на ноги хотелось страшно, и я решилась на первый бунт. Аккуратно села в постели, положила планшет экраном вниз и для верности укрыла подушкой — пусть думают, что сплю. Прислушалась — тишина. Что ж, если здесь действительно нет камер, как утверждали, то самое время это проверить.

Спустив ноги на пол, я замерла, переживая волну головокружения. Потом, вцепившись в спинку кровати, тяжело поднялась. Тишина, никто не врывается с воплями в комнату — хороший знак. Попробую дойти до окна.

Медленно, придерживаясь за стену, поплелась к заветной цели. Каждый шаг давался с трудом, а дыхание начало предательски сбиваться, как после марафонского забега, и буквально в ту же минуту дверь распахнулась с такой силой, что я вздрогнула. В комнату ворвались мой охранник и Ольга, словно спецназ на задержание особо опасного преступника.

Медсестра первой бросилась ко мне:

— Елена, что вы творите! Вам категорически нельзя самостоятельно передвигаться!

Она обняла меня за талию, поддерживая, но охранник решил не размениваться на церемонии. Просто подхватил на руки, игнорируя мой возмущенный вопль, и водрузил обратно на кровать.

— Извините, Елена, но у меня четкие указания от мистера Алексиса.

— Что, и руками хватать меня позволено? — едко поинтересовалась я. В отличие от Алекса, Макс не внушал мне ни капли страха.

— Позволено в экстренных ситуациях, — невозмутимо парировал он. — А сейчас как раз такая.

Я втянула воздух сквозь стиснутые зубы и тут же схватилась за шею — в нее, как будто раскаленную спицу воткнули. Ольга подскочила, отвела мою ладонь и внимательно осмотрела место укуса под повязкой.

— Елена, умоляю, успокойтесь! — Я услышала тревогу и испуг в ее голосе. — У нас будут серьезные проблемы, если вы навредите себе.

Я криво усмехнулась:

— Значит, камеры все-таки есть?

— Нет. — Она указала на мою руку. — Умные часы передают в режиме реального времени данные о пульсе, давлении, сатурации. Мы сразу увидели скачок показателей. — Она помедлила. — Простите, но у меня есть указания ввести успокоительное, если вы будете причинять себе вред.

— И вы думаете, при этом я не смогу сделать себе еще

хуже? — Меня прошибло холодной злостью. — Рассчитывайте, что я буду кротко сидеть, пока вы колете мне химию?

— Лучше успокойтесь сами, — басовито произнес охранник.

— Максим, — я повернулась к нему, — ведь это ваше полное имя?

Он кивнул.

— Не сомневаюсь, что вы легко меня скрутите и удержите. Но это не мешает мне сопротивляться. А борьба в моем состоянии... — Я театрально приложила палец к щеке. — Увы и ах, противопоказана.

— Елена, — тихо произнесла Ольга, и в ее голосе прозвучала настоящая мольба. — Я очень прошу вас! — И я поняла. Если я устрою скандал, пострадают именно они.

Выдохнув, я сдалась.

— Хорошо. Простите, вы действительно ни в чем не виноваты. Просто я уже схожу с ума от неподвижности — все ноет.

— Давайте вызовем массажистку! — девушка просияла и коротко погладила меня по плечу. — Полный расслабляющий сеанс, и станет легче.

— Нет. — Меня передернуло. — Терпеть не могу чужих прикосновений без крайней необходимости.

Я многозначительно взглянула на Максима. Тот слегка кивнул.

— Тогда аппаратный массаж, — не сдавалась Ольга. —

Если тело болит, добавим анестетик.

— Не нужно! — Захотелось спрятаться под одеяло. — И так пичкаете химией постоянно. Не больно мне — просто отлежала все.

— А попробуйте поспать, — с надеждой заглянула она мне в глаза. — Хотите травяной чай?

Мне стало неловко от их заботы. Они мечутся вокруг, стараются помочь, а я тут изображаю из себя невесть что.

— Спасибо, не надо. Да, попробую поспать.

Она накрыла меня одеялом и задернула шторы. В комнате воцарился полумрак. Наконец блаженная тишина.

И вот теперь я дала волю слезам. Пусть даже умные часы зафиксируют мое состояние, вряд ли ко мне снова решатся вторгнуться. Я тихо плакала в подушку от бессилия, страха, злости... И незаметно провалилась в сон.

Проснувшись, я почувствовала себя значительно лучше. Больше решила не бунтовать, просто нажала кнопку вызова, попросила помочь дойти до туалета. После чего погрузилась в виртуальную реальность чатов и видео.

Уже начинало смеркаться, когда в комнату без предупредительного стука стремительно вошел блондин собственной персоной. От него так полыхало гневом, что у меня внутри снова свернулся тугой узел страха.

Видимо, почувствовав мою реакцию, мужчина слегка встряхнул головой, силой воли взяв себя в руки.

Глава 4

Алекс

Выйдя из комнаты Елены, я не удержался от легкой улыбки. Не так уж всё и плохо. Она реагирует на меня физически, на уровне инстинкта. Пусть злится, пусть скрипит зубами, пусть мечтает огреть чем-нибудь по голове; тело не врёт. А значит, есть фундамент. Девочка взрослая, начнём с физики — эмоции подтянутся.

Я вызвал водителя и попросил подать машину. Пока в запасе была свободная минута, решил наконец разобраться в том, о чём до сих пор имел лишь смутное представление: в природе кровниц. Поднял перегородку в салоне, достал сплайнер и открыл первый файл из тех, что прислал Танаджи.

Погрузился в чтение и невольно вспомнил, как далеко зашли наши предки в своих амбициях. Цель, по их меркам, была безупречна: создать расу выносливую, совершенную, практически неуязвимую. Но игры с геномом не терпят самонадеянности. Через пару поколений возник побочный эффект, о котором никто не предупреждал: помимо обычной пищи, а она теперь состояла почти исключительно из мяса и рыбы, мы стали нуждаться в периодическом получении живой крови генетически близких нам существ.

Обычно хватало нескольких глотков. Убивать не требова-

лось, но делать это необходимо было регулярно. Иначе наступал дикий голод: состояние, при котором разум отключается, а на первый план выходят голые хищнические инстинкты. Удержаться и не убить жертву в таком состоянии удавалось единицам. Плюс постоянная фоновая жажда, особенно мучительная в детстве и юности, когда ещё не научился с ней договариваться.

В нашем мире существовал неразумный вид с подходящим геномом, но их было катастрофически мало, и размножались они неохотно. Начались жестокие, затяжные войны за обладание живыми ресурсами. Пока один исследователь не совершил открытие, изменившее всё: он обнаружил планету с существами, чья кровь после незначительной модификации их генома оказалась пригодна для нас.

Однако эволюция снова посмеялась над нашими планами. Существа обрели разум, самосознание, культуру. Возник новый вид, внешне неотличимый от нас, но разделенный на собственные расы, со своими языками, историей. Земляне.

Многолетние исследования привели к ещё одному открытию: среди людей крайне редко возникала уникальная комбинация генов. Особое сочетание антител и антигенов, которое, по сути, являлось лекарством для нашего вида. Порция такой крови убирала жажду и на порядок снижала потребность в подпитке. Побочные бонусы обрушивались, как из рога изобилия: обострённое восприятие вкусов и запахов, ускоренная регенерация, повышенная выносливость, мол-

ниеносная реакция. Но закономерность появления этой комбинации наши учёные так и не смогли вывести, она возникла словно по капризу природы.

И совершенно случайно обнаружилась ещё одна особенность, касающаяся женщин-кровниц, как их называли. Один из наших далёких предков создал союз с такой женщиной. Это тогда порицалось жёстко: какие могут быть отношения между волком и ланью, пусть даже к ней возникает влечение? Но выяснилось, что у подобных пар возможны дети. У них был наш геном, но они с рождения не испытывали жажды. Регулярное получение крови не требовалось, только при сильных ранениях.

Правда, таких случаев было ничтожно мало. Из-за увеличившейся после модификации генома продолжительности жизни и особенностей питания получить разрешение на продолжение рода в моем мире было непросто. Бюрократическая машина Совета перемалывала заявки годами. Но с кровницей оно выдавалось автоматически. Без очереди, без бумаг, без обсуждений, потому что таких пар было слишком мало, чтобы ими разбрасываться.

Освежив в памяти основы нашей запутанной истории, я перешёл к конкретному разделу.

Итак, механизм. После попадания такой крови в наш организм формируется связь на уровне союза. У нас обостряется инстинкт защитника, мощный, почти неуправляемый. Дальше интереснее: если мутаген проникает в орга-

низм кровницы, он тоже начинает работу, постепенно делая жертву более лояльной к своему мучителю. А иначе нас не назовёшь — насильственный укус, боль пусть и однократно, не располагают к нежным чувствам. Однако мутаген методично перенастраивает её реакции на физическом уровне, обходя разум и волю. Впрочем, и мы становились зависимыми от своей кровницы.

Если же кровь удавалось взять аккуратно без укуса, без попадания мутагена, привязка формировалась значительно медленнее.

Я покачал головой. В моём случае это было невозможно, дикий голод почти наступил. И кровь Елены оказалась настолько сильной, что подействовала быстрее, чем я успел её убить.

Внутри вспыхнул гнев на себя, на обстоятельства. Так, нужно почитать, что делать с эмоциями.

Следующий раздел был как раз об этом и содержал неутешительные новости. Для меня. Впрочем, и для Елены выбора не оставалось: отпустить я её не смогу. Слишком много взял, у меня связь формировалась стремительно. Следующие несколько месяцев мне предстояло вести себя как тиран, ограждая её от всего и, что самое скверное, от самого себя. Я естественным образом вызываю у неё страх, а её страх будит во мне зверя, требующего защитить свою пару. Порочный круг, выстроенный нашими же генами.

Да уж. Я отвернулся к окну, глядя на мелькающие дере-

вья. Занятно, что мы натворили своими генными экспериментами. За всё приходится платить. Всегда. И чем грандиознее амбиции, тем чудовищнее счёт.

Последующая информация вызвала недоумение: если кровь отдаётся добровольно, привязка у обоих формируется стремительно вне зависимости от того, попал мутаген в нее или нет.

Я перечитал абзац дважды. Добровольное согласие? Как оно влияет на биохимию? Каким образом волеизъявление, категория, казалось бы, сугубо ментальная, перестраивает физические процессы? Вчитываясь дальше, понял: ответа у наших учёных нет. Слишком мало подобных людей появлялось на Земле. Слишком мала выборка.

Что ж. Придётся разбираться на практике.

Поднявшись в кабинет, я запустил веб-конференцию. Доклады потекли один за другим: менеджеры, начальники безопасности филиалов, сухие цифры, осторожные формулировки. Но за этой деловитой сухостью проступало очевидное: кто-то из кланов моего родного мира методично подкапывался под меня, пытаюсь перехватить сферу влияния, закреплённую на Земле за мной решением Совета. Не нагло, не в лоб, через третьи руки, цепочки подставных компаний. Это раздражало куда сильнее, чем открытая атака. С атакой всё просто — ударил в ответ и забыл. А вот с крысой в стенах...

Интересно, кто именно. Северные? Или кто-то понаглее?

Раздав указания, погрузился в документы и сводки. Важной могла оказаться любая мелочь: оброненное слово, подозрительная транзакция, неожиданная встреча.

Когда я наконец оторвался от экрана, часы показывали без малого два.

Ради любопытства решил проверить, купила ли себе что-нибудь Елена.

Пробежал историю её просмотров и покачал головой. Предсказуемо: заходила на страницы родных, ничего не написала, не совершила ни одного действия. Разумно. Потом те же каналы, что и раньше, читала молча, как призрак. Похвально.

Запросил баланс счёта и хмыкнул: двадцатку спустила. Бусики себе купила? Я вызвал детализацию и расхохотался. Вот же жучка. Раздала всё тем же каналам — подонатила до копейки, а на себя не потратила ни цента. Ну-ну. Все поначалу скромные. Почувствует свободу действий, аппетиты вырастут. Всегда вырастают.

Посмотрим.

Вернувшись к истории посещений, зацепился за строку поиска: искала свою собаку. Я набрал номер начальника безопасности.

— Доброго, Джон. Что с псом?

— Как раз собирался доложить: отловили. Ох и побегали за ним. Совершенно недоверчивый, людей не подпускает. Пришлось использовать транквилизатор.

— А чего ты ждал? Примесь волка. Он в норме?

— В полной.

— Придержи на отдалении, но обеспечить хороший уход. Он мне ещё пригодится. — Я помолчал. — Что-нибудь ещё по девчонке? По её родственникам?

— Есть кое-что. Отчёт будет через час.

— Принял. До связи.

Я отложил телефон и откинулся в кресле. Одна задача решена. Пес — козырь. Хороший, надёжный козырь. Но по-настоящему сильным ходом станет помощь её родным. Классика манипуляции, и классика работает, потому что бьёт в цель.

Мысли сами вернулись к Елене, и на этот раз не к её поисковым запросам. Я хочу её. Мысль была ясной, как щелчок затвора. Но с этим нельзя спешить. Двадцать шесть лет в браке — такие женщины не прыгают из одних рук в другие. Она либо всё решает сама, либо не решает вовсе, в ее случае скорее первое. Торопливость её спугнёт, а грубость сломает. Мне же она нужна целой.

Я отогнал непрощенные образы: её волосы на моей подушке, податливое тело в моих руках, и переключился на работу.

Чем глубже я вчитывался в документы, тем отчётливее проступал почерк. Клан Северных. Их стиль: не бить — душить. Медленно, расчётливо, через финансовые потоки и подкупленных чиновников. Ну что ж. Выяснил — значит, уже наполовину решил. Северные не знают, что я знаю.

Домой я впервые за долгое время ехал с нетерпением, хотелось увидеть её. Дурацкое, мальчишеское нетерпение, в котором я не собирался себе признаваться.

Но буквально с порога мне доложили об инциденте.

Гнев поднялся мгновенно — тёмный, горячий. Я отвык от неповиновения.

— Глупая... упрямая...

Слова сквозь зубы. Кулаки сжались сами. Я заставил себя расслабиться, выровнять дыхание и только тогда толкнул дверь в её комнату.

Елена сидела на кровати. При звуке открывающейся двери вскинула голову — резко, как вспугнутая птица. Наши взгляды столкнулись: её каре-зелёные глаза напоминали лесное темное озеро, в котором отражается листва. По нервам полоснул её страх — чистый, неподдельный.

Я постарался взять себя в руки. Получалось скверно.

— Пытаешься проверить границы, Елена? — тихо произнёс я.

— О чём вы? — спросила она ровным голосом, но я уловил это едва заметное ускорение дыхания, лёгкую дрожь на вдохе.

— Слова «строгий постельный режим» тебе ни о чём не говорят?

Она не опустила глаза, не отвела взгляд — смотрела прямо, с тем упрямым вызовом, к которому я уже начал привыкать. Но я заметил: ресницы слиплись, а белки чуть по-

краснели. Плакала. Не сейчас — раньше, может, час назад, может, больше. Плакала и старательно замела следы. Почти получилось.

Я покачал головой, сел рядом и, медленно, чтобы не спугнуть, протянул руку. Накрыл её ладонь своей. Пальцы у неё были ледяные. Она не отдёргнулась, уже хорошо. Сжал ее кисть, согревая в своей. Шаг за шагом буду приучать её к своим прикосновениям.

— У меня всё тело затекло, — сказала она, глядя куда-то мимо моего плеча. — Хотелось подвигаться. Хоть немного.

— И что помешало тебе позвать Максима или Ольгу, чтобы они хотя бы подстраховали?

Вот теперь она отвела взгляд. Еле заметное движение, но мне хватило. Значит, я не ошибся. Маленький тихий бунт из последних сил — самый отчаянный вид сопротивления.

— Послушай меня ещё раз внимательно... — Я помолчал, разглядывая её — бледную, с сжатыми губами, и неожиданно для себя передумал. — Впрочем, раз тебе так хочется подвигаться, давай поужинаем на веранде. Выбирай: ты едешь туда на кресле или идёшь в моих объятиях.

Щёки её вспыхнули. Мгновенно, ярко: краска залила скулы и хлынула к вискам. В глазах мелькнуло что-то колкое.

— О, как мило с вашей стороны предоставить мне выбор.

— Хорошо. — Я чуть наклонил голову. — Раз так, никакого выбора.

Я забрал у нее планшет, отложил в сторону. Подхватил её

под мышки и осторожно снял с кровати, поставив рядом с собой на пол. Она пошатнулась, ноги подвели сразу. И слабые пальцы впились мне в плечи. Я легонько привлёк её к себе, и она подалась — не потому что хотела, а потому что тело решило за неё. Тихий стон, почти неслышный. Лоб упёрся мне в грудь.

— Что, голова кружится? — Я положил ладонь ей на затылок, мягко массируя кожу у основания шеи.

— Угу, — промычала она невнятно.

А я стоял и, каюсь, наслаждался. Её близостью, теплом дыхания сквозь ткань рубашки. Тем, как судорожно она всё ещё цепляется за меня. Словно я — единственная точка опоры в накренившемся мире. Я невольно улыбнулся. Она не видела. И хорошо. Эта улыбка была не для неё. Пока не для неё.

— И вот скажи мне, — заговорил я негромко, не убирая руки с её затылка, — зачем ты сопротивляешься? Ты же сама чувствуешь, как тебе плохо. Это пройдёт, со временем. Я не собираюсь держать тебя в клетке. Просто дай себе восстановиться.

Она подняла голову. В ее взгляде было столько всего намешано: и усталость, и злость на собственную слабость, и что-то ещё, чему она сама, кажется, не знала названия. Потом разжала пальцы, руки соскользнули, хотя я видел, как дёргаются мышцы на её лице — головокружение не отпускало. Просто гордость оказалась сильнее.

— Кресло, — тихо прошептала она. — Пожалуйста.
Это «пожалуйста» далось ей дороже, чем любой бунт.
— Хорошо, упрямица. Уступлю.

Я решил не настаивать. Хотя всё во мне требовало подхватить её, прижать к себе — крепко, по-настоящему — и не отпускать. Я махнул рукой, и Ольга бесшумно подкатила медицинское кресло. Помог сесть Елене, она опустилась с видимым облегчением, хотя и старалась этого не показать.

— Я сам. — Отклонил я предложенную Ольгой помощь.

Елена притихла. Но я видел, как судорожно она сжимает кисти на подлокотниках. Костяшки побелели, запястья напряглись. Ничего, девочка, я приручу тебя.

На веранде нас уже ожидал накрытый стол: белая скатерть, тёплый свет, запах пряностей в вечернем воздухе.

— Давай попробуем всё же дать тебе возможность пройти несколько шагов.

Я протянул к ней руку. Она помедлила, одну секунду, не больше, и приняла. Тяжело опёрлась, поднимаясь. Я тут же подстраховал за талию, позволяя ей сделать два самостоятельных шага до кресла, стоявшего у стола. Всего два, но её собственных. Я протянул ей бокал с коктейлем и попробовал объяснить.

— Елена, всё-таки услышь меня. Постарайся. Мой ммм... яд сейчас действует на тебя, именно он вызывает головокружение и мышечную слабость. Кроме того, у тебя была очень большая кровопотеря. Да, тебе провели переливание, но по-

следующая операция, наркоз... Всё это вместе даёт такой эффект. Именно поэтому ещё пару дней тебе нужно лежать. Ты просто не сможешь ходить сама, и не нужно пробовать.

Я выдержал паузу, давая словам достигнуть ее сознания.

— Я не собираюсь ограничивать тебя в перемещениях. Как только станет лучше — пожалуйста, весь дом и парк в твоём распоряжении. Сходим на прогулку в лес.

Последнее я добавил намеренно, в докладе Джона отдельным пунктом значилась её любовь к лесу и природе.

Елена слушала мой монолог молча, внимательно глядя мне в глаза. Но уголки ее губ чуть кривились, едва заметно. И я прекрасно понимал, о чём она думает. Обо всём том, что не говорит вслух.

— Ну а с остальным тебе придётся смириться. Я обещал всё рассказать, как только ты перейдёшь в обращении ко мне на «ты».

Я усмехнулся, наблюдая, как гневно сверкнули её глаза. Этот огонь в ней среди всей слабости, беспомощности вызывал во мне что-то среднее между восхищением и желанием усмирить.

— Нет, — с тихим вызовом произнесла она. Голос сел, но в нём не было ни тени колебания.

— Ну нет — так нет. Подождём.

Я принялся за ужин, неторопливо, стараясь не выдать, как пристально слежу за ней. Она отпивала коктейль маленькими глоточками, но почти не морщась. Значит, боли не было.

Хорошо.

— Думаю, завтра можно будет начать есть полутвёрдую пищу. Только не скрывай, если будет больно. Не нужно строить из себя героя. У тебя были порваны мышцы шеи и вена, к сожалению, я не мог в тот момент себя контролировать. Если будет больно жевать и глотать, значит рано. Ты меня поняла?

Она кивнула, не отрываясь от бокала. Этот кивок был единственной уступкой мне, которую она позволила себе сделать.

Погода сегодня стояла прекрасная — тёплый, густой воздух начала лета, пропитанный запахом жасмина. Я наблюдал, как её взгляд скользит по деревьям, окружающим веранду, задерживается на цветах, и что-то в её лице неуловимо менялось — не смягчалось, нет, скорее на секунду проступало настоящее, так тщательно охраняемое. Ей действительно нравилась природа. Я отметил в голове ещё один пункт по укрощению строптивой.

Уже совсем стемнело, когда я предложил вернуться в дом.
— Тебе пора отдыхать, Елена.

Она подняла на меня глаза, чуть замутнённые, настороженные. Потом посмотрела на кресло-каталку и тихонько вздохнула. Было видно, как ей ненавистно находиться в зависимом положении. Что, впрочем, логично. Судя по информации из отчёта, она оказалась действительно полностью самостоятельной, как я и предполагал. Не зависела от теперь

уже бывшего мужа ни в чем. Сама зарабатывала и на себя, и на сына, да ещё и на него иногда вытягивала. Я поморщился. Я не уважал таких мужчин.

— Может, всё же уступишь мне? На этот раз. Компромисс?

Она промолчала. Молчание Елены — это было отдельное искусство: не покорное и не робкое, а каменная стена, за которой она переживала осаду.

Я решил попробовать. Подошёл к ней, наклонился, отслеживая каждую её реакцию — расширение зрачков, напряжение в плечах, сбившееся на секунду дыхание, — и легко поднял на руки. Она осталась неподвижной. Не обняла за шею, не отпрянула. Но и сопротивляться не стала. Уже хорошо.

Внутри всё ликовало от близости моей пары. Я старался идти медленнее, стремясь растянуть удовольствие. Чувствовал, как она еле ощутимо дышит где-то у ключицы, и каждый этот выдох прошивал меня насквозь. Но вот и её спальня. Я аккуратно опустил Елену на постель, заставив себя разжать руки.

— Сейчас Ольга поставит тебе два укола — витамин и регенератор, для ускорения заживления раны, — я помолчал. — Может, успокоительного? Чтобы лучше спалось.

— Нет. Не нужно, — ожидаемо отказалась она.

— Елена. — Я постарался максимально смягчить голос, хотя мягкость давалась мне примерно так же, как ей зависимость. — Ты плакала. Тебе сейчас не нужны такие пережи-

вания...

И тут же понял, что выбрал неверную тему.

— Я прошу вас. Не надо.

Голос слегка задрожал, но подбородок дёрнулся вверх, и этот контраст, дрожь и вызов одновременно, заставил меня улыбнуться. Вот же боевой хомячок.

— Хорошо, уступлю в этот раз. — Я склонил голову. — Но, если твои показатели поплывут, ты получишь лекарство. И спрашивать разрешения я больше не стану.

Она чуть вздохнула. Я протянул руку и коснулся её запястья там, где под тонкой кожей торопливо бился пульс. Слишком быстрый. Слишком живой.

— Спокойной ночи, Елена.

Она не ответила, глядя прямо перед собой.

В комнату уже входила Ольга с лекарствами.

*Спи, малыш. Сейчас ты испугана, расстроена, оже-
сточена — и имеешь на это полное право. Но со временем
ты поймёшь, что всё сложилось для тебя как нельзя лучше.
А я буду ждать — терпеливо, неотвратимо. Ждать я умею
лучше, чем кто-либо.*

Глава 5

Елена

Повязку сняли через два дня. Приехал тот самый доктор, что оперировал меня в медцентре. Его руки двигались с привычной уверенностью хирурга, а глаза оценивали результат собственной работы. Ольга быстро и почти безболезненно взяла кровь на анализ. Результаты порадовали: наконец-то норма. Мне официально разрешили вставать и передвигаться самостоятельно.

Эти два дня Алекс держался на удивление тактично. Появлялся только по вечерам, неизменно приглашая на ужин под открытым небом, и с упорством, достойным лучшего применения, уносил меня обратно на руках, словно хрупкую фарфоровую куклу. Днем же я жила в виртуальном мире: перелистывала новости родного города, часами зависала на страничке сына, пытаясь выловить хоть крупицу информации о нем. Бесконечно просматривала паблики потеряшек в надежде увидеть знакомую морду Марса. Но интернет молчал. А самое странное — я чувствовала себя хорошо, мне наконец не нужно было вставать каждое утро в пять на работу, не было необходимости принимать какие-то решения, думать о деньгах. И мне это нравилось. И пугало одновременно.

Когда мне наконец разрешили ходить, он устроил экскур-

сию по дому. Ненавязчиво страховал каждый мой шаг: стоило пошатнуться на еще слабых ногах, как его горячая ладонь тут же подхватывала за плечо.

Дом оказался настоящим замком: два этажа роскоши и продуманности. На задний двор выходило помещение крытого бассейна с панорамными окнами от пола до потолка. А я тем временем играла роль восхищенной туристки, внимательно отмечая расположение гаража, механизм открывания дверей, любые детали, которые могли пригодиться.

Попытки определить геолокацию на планшете ни к чему не привели. Функция была заблокирована железно. Деньги с щедро подаренного счета я больше не тратила, зачем? Мне ничего не было нужно, наличку все равно не снять, а каждое мое движение в сети наверняка отслеживалось.

Разумеется, в комнаты охраны меня не водили, но я быстро вычислила их расположение. Там же, скорее всего, находилась диспетчерская, мозг всей системы безопасности.

На второй день мне преподнесли сюрприз в виде целого гардероба. Я слегка опешила от количества одежды и от того, что вся она сидела идеально. Интересно, кто и когда успел снять с меня мерки с такой филигранной точностью?

Дни потекли в размеренном ритме. Ежедневные прогулки по огромному двору стали обязательными. Территория поражала размахом: сад, лесок, изумрудная лужайка, теннисный корт. Я даже не удержалась от язвительного замечания насчет отсутствия поля для гольфа, что вызвало у Алекса ис-

кренний смех.

Я замечала, как смягчаются его черты рядом со мной, жёсткость исчезала, холод в глазах испарялся. Он по-прежнему оставался тактичным и не распускал руки. Наши ужины на веранде превратились в священный ритуал.

Но это наигранное благополучие не мешало мне вести тайное наблюдение.

Я тщательно изучила парк, поняла, что ворота управляются умной системой камер, а не живым охранником — это играло мне на руку. Вряд ли система наблюдения среагирует на силуэт за тонированным стеклом, скорее на номер и марку машины.

В гараж я просилась постоянно, легко изображая восхищение мощными железными монстрами. Оглаживала полированные бока, обходила каждый автомобиль по кругу, но при этом четко отмечала, куда водители кладут электронные ключи, запирается ли гараж. Часто садилась в салон, все уже привыкли к моим автомобильным причудам.

Через неделю Алекс уехал. Пришел утром, позвал на завтрак и буднично объяснил, что отлучается на пару-тройку дней по делам. Я лишь кивнула, тщательно скрывая ликование. Как говорится, кот из дома — мыши в пляс.

Но сомнения насчет попытки побега грызли. Камер по территории и периметру было наткано столько, что впору снимать реалити-шоу.

В тот же день, традиционно листая ленту сына, я наткну-

лась на его пост. "Мамы больше нет"... Боль пронзила через экран с такой силой, что меня буквально скрутило. Почти весь день провела в комнате, демонстративно сняв умные часы — посмотрим на реакцию.

Ожидаемо, ко мне тут же нагрянули с проверкой. Пожаловалась на головную боль. Вокруг забегали, засуетились. А мне хотелось орать и крушить все подряд, но показывать истинные чувства было нельзя. Внутри все рвалось от понимания того, что сейчас переживают мои родные — сын, родители... да и муж тоже. Надо держаться. Нельзя показать, что творится на самом деле.

Браслет надевать отказалась категорически, выдав глупую отмазку про раздражение и повышенную чувствительность. Удивительно, но поверили, видимо, привыкли к капризам пассивного босса. Выдали обезболивающее, я изобразила, что приняла, и попросила оставить в покое.

Сама же провела время у окна, наблюдая, когда и какие машины покидают территорию и во сколько возвращаются. Завтра рискну. Больше откладывать нельзя.

Утром старалась вести себя как можно естественнее, только снова проигнорировала браслет, ссылаясь на остаточную головную боль. Мне опять поверили, я даже усмехнулась про себя. Видимо, блондинчик дал четкие указания лишнего раз меня не трогать.

Традиционно засела в ютубе, потом прошлась по парку, примерно пообедала и снова пошла гулять. Добрела до гара-

жа и, как обычно, зашла внутрь. Побродила между автомобилями и, улучив момент, протянула руку к электронному ключу от тойоты, она стояла ближе всех к выезду.

Прошлась еще раз вокруг, никто не прибежал с вопроса-ми. Тихонько сложила пальцы крестиком и подошла к машине. Открыла водительскую дверь, села, откинулась на сиденье. Изобразила наслаждение автомобилем: огладила руль, положила руку на рычаг коробки передач. Дверь не закрывала.

Через пятнадцать минут захлопнула дверцу и замерла, молясь про себя об удаче. Прошли минуты, никто не пришел выяснять, почему я заперлась в машине.

В груди холодело, адреналин бил по нервам разрядами тока, пальцы предательски дрожали. Сиденье подгонять под себя не стала, до ремня безопасности даже не дотронулась. Завела двигатель.

Тойота заурчала, как сытая тигрица. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, но все по прежнему было тихо. Стоило подъехать к гаражным воротам — они послушно начали подниматься. Запиликало предупреждение о не пристёгнутом ремне, надеюсь, она не заглохнет.

Внутри все застыло. Сейчас там наверняка стоят brave ребята и ждут меня с распростертыми объятиями.

Но двор был пуст.

Не газуя, с той же скоростью, что наблюдала из окна, двинулась к внешним воротам. Барабанная дробь. Час икс. Ла-

дони стали влажными. Створки медленно разъехались в стороны.

Главное — не психануть.

Неторопливо выехала за территорию и начала плавно набирать скорость, направляясь к основной дороге. По расположению города я помнила, что при выезде на дорогу мне нужно будет повернуть налево. Так я и сделала.

И тут же вдавила газ в пол.

Наверняка автомобиль напичкан GPS-трекерами, теперь счет идет на минуты. Удалось отъехать довольно далеко, когда услышала рокот лопастей. Над мной пролетел черный вертолет. Засекли.

Все. Время вышло. Теперь либо пан, либо пропал. Прибавила скорости, но вскоре в зеркалах замаячили две точно такие же машины. Вертолет завис надо мной грозной тенью.

Попробую добраться до любого населенного пункта и поднять шум. Как назло, шоссе петляло через густой хвойный лес, и никого на встрече.

Преследователи нагоняли стремительно. Одна обошла слева и встала передо мной, пытаясь принудить к торможению. Вторая начала прижимать с левой стороны, но я успела вывернуть и газануть, выскальзывая из ловушки.

Теперь жала на газ, не глядя на спидометр.

Еще дважды удалось увернуться от похожих маневров. Стало понятно — им дано указание поймать меня живой и максимально невредимой. Это играло мне на руку.

Вдали показался указатель населенного пункта. Когда первый автомобиль в очередной раз обошел слева, я приготовилась выворачивать руль, но не успела — меня тряхнуло от мощнейшего бокового удара. Справа раздался скрежет, посыпались искры. Меня притерло к отбойнику. Впереди идущая машина экстренно затормозила, ловя капот моей себе в багажник.

Классический маневр, сотни раз показанный в кино: я не заметила, как вторая машина практически приклеилась за первой.

Подушки безопасности не сработали. Сильно ударились головой о боковое стекло, потом меня швырнуло вправо и вперед. В глазах потемнело, правую руку пронзила острая боль.

Отпустив педаль газа, нажала на тормоз, все еще на что-то надеясь. Но вторая тойота намертво прижала меня к отбойнику, а в зеркале заднего вида уже появилась третья, блокируя отход назад.

Мир поплыл. У меня не получилось. Стало все равно.

Когда машина полностью остановилась, мотор заглох сам, видимо, отключили дистанционно. Интересно, почему раньше не вырубили?

Мысли текли медленно и вязко. Положила руки на руль и опустила на них лбом.

Чувствовала, как охранники, или кто они там, дергают водительскую дверь, пытаюсь открыть, но ее, видимо, заклини-

ло. Они кричали чтобы прикрыла голову, но я не реагировала. Гори оно огнем, не получилось.

Зато открылась задняя, я не пошевелилась.

— Елена, с вами все в порядке? Что болит? Не двигайтесь.

Почувствовала, как меня касаются пальцы, осторожно ощупывая шею и плечи, пальцы чутко и профессионально прошлись вдоль позвонков. Не ответила.

Сверху опустилась какая-то тряпка, меня окутал терпкий запах мужского одеколona, и тут же раздался треск разбиваемого стекла. Я открыла глаза и увидела, как мелкие стеклышки каскадом опадают мне под ноги. Слева посвежелo. Кто-то перелез на переднее пассажирское сиденье.

Меня усадили ровно, придерживая голову и шею. Один из громил с тревогой заглядывал в лицо.

— Елена, пожалуйста, не сопротивляйтесь.

Слева, в разбитое окно, протиснулся второй мужчина, обхватывая меня за плечи. Тут же первый подхватил под ноги. Меня с предельной деликатностью извлекли из искореженной машины и пересадили на заднее сиденье подъехавшего автомобиля.

С двух сторон сели охранники, полностью блокируя меня, и мы тронулись в обратный путь.

Я молчала. Начало подташнивать, голова раскалывалась от боли и кружилась одновременно, никак не могла зафиксировать взгляд. Мужчины аккуратно проверяли мое тело, ища повреждения. Никто не произнес ни слова о произошедшем.

Меня просто везли назад, в клетку.

Мы въехали во двор, скрипнули тормоза. Правая дверь распахнулась. Я даже не повернулась — незачем. Волны ярости, исходившие от Алекса, ощущались физически, словно жар от раскаленной печи.

— Все вон. Быстро.

Ледяной голос хлестнул по салону. Охрану сдуло мгновенно — обоих громил просто вынесло с машины. Двери хлопнули, и Алекс сел рядом. Автомобиль стал герметичным коконом, запечатавшим нас двоих.

Я не пошевелилась. Меня мутило все сильнее, перед глазами плыло, но показывать ему слабость — последнее, что я собиралась делать.

Блондин слегка наклонился, оперся рукой о спинку переднего кресла, ловя мой взгляд. Меня передернуло. Лицо было жестким, в глазах плескалась ледяная ярость.

— Кто-то, видимо, плохо меня услышал? — он говорил нарочито медленно, почти шепотом, и от этой тихости становилось страшнее, чем от любого крика. — Или решил поиграть? Что за выкрутасы, Елена?

— А вы ждали чего-то другого? — произнесла я сквозь стиснутые зубы, борясь с рвотными позывами. — Вы вырвали меня из семьи. Для всех я мертва. У меня была своя жизнь. У меня есть сын, который теперь уверен, что его матери больше нет...

Я осеклась, прикрыв веки, пережидая волну тошноты.

— Мои родители убиты горем. Они вынуждены хоронить собственного ребенка. Они даже тела моего не увидят. Так чего же вы ждали от меня, мистер Алексис? Благодарности?

На его лице не дрогнул ни один мускул. Лишь пальцы едва заметно сжались на подголовнике, костяшки побелели.

— Что ж. — Голос стал еще тише, еще опаснее. — Вижу, по-хорошему ты не захотела. Тогда будет по-моему.

Пауза. Короткая, как замах перед ударом.

— Если ты еще раз попробуешь выкинуть что-либо подобное, или попытаешься навредить себе, я уничтожу твою семью.

Меня хлестнуло, как плетью. Тело дернулось непроизвольно. Об этом я совершенно не подумала, он действительно мог добраться до моей семьи.

— О нет, не физически. — Он чуть качнул головой, словно отмахиваясь от чего-то недостойного. — Руки мараť не буду. Я уничтожу их жизнь.

Он назвал университет сына. Факультет. Курс. Имя девушки. Каждое слово, как гвоздь в крышку моего гроба.

— Он никогда не найдет работу. Ничего, кроме метлы и лопаты.

Я молча смотрела перед собой, чувствуя, как внутри все каменеет.

— Твой бывший муж... — он криво усмехнулся, и в этой усмешке было столько презрения, что хватило бы на десяти-рых. — Если его можно так назвать. Вот скажи мне, Елена,

ведь ты уже давно одна тянешь и себя, и семью. За что ты держишься? За его измены? За предательство, когда он снял деньги с твоего счета? Что такого привлекательного ты до сих пор в нем находишь?

Я снова вздрогнула. Не ожидала, что Алекс копнет по мне информацию настолько глубоко — до самого дна.

— Так вот, по твоему мужу давно плачет тюрьма. Достаточно одной команды, и налоговая разберет его по косточкам. Будет твоему бывшему муженьку о-о-очень весело. Имущество пойдет на погашение штрафов. Все, до последней табуретки. А значит, твоему сыну не достанется ничего. Ни по завещанию, ни по закону. Я позабочусь.

Он сделал паузу, давая словам впитаться, как яду.

— Тебе понятно, что я говорю?

Мне казалось, я сотру зубы в порошок, так сильно сжимала челюсти.

— Да, — выдавила я еле слышно.

— Умница.

Это короткое слово прозвучало как пощечина.

— Любая попытка побега. Попытка причинить себе вред. Попытка связаться с кем-либо — и последствия наступят незамедлительно. Не стоит меня злить, девочка.

Повисла тишина, густая и вязкая. А потом Алекс вдруг резко поднес ладони к лицу, жестко растер его и рвано, надломлено выдохнул, словно на секунду из-под маски хищника проступило что-то человеческое.

— Выходи, — бросил он, толкнув дверь и выйдя первым.

Протянул мне руку. Я попыталась пошевелиться, но тело отказывалось подчиняться. Видимо, приняв это за очередной бунт, Алекс не выдержал, мягко, но настойчиво взял меня под локоть и потянул наружу.

Стоило мне ступить на брусчатку, и мир взорвался. Небо и земля поменялись местами. Ноги подкосились, я начала оседать, блондин успел и подхватил меня, удерживая на весу.

— Тихо, тихо, девочка, что с тобой? — Его ладонь легла мне на щеку.

Последнее, что я услышала, прежде чем отключиться, — встревоженный, почти испуганный голос блондина:

— Елена!

Глава 6

Алекс

Когда позвонил Джон, я не сразу осознал услышанное. «Елена совершила попытку побега. Догоняем». Слова дошли до мозга с задержкой в секунду, а потом внутри все взорвалось. Что она сделала?! Ярость снесла выстроенное годами хладнокровие.

— Вылетаю, — бросил я отрывисто в трубку. — Остановить. Максимально мягко и вежливо. Без единой царапины.

Повернулся к партнерам, ожидающим от меня решений по многомиллионной сделке.

— Я вынужден экстренно вас покинуть. Прошу прощения — форс-мажор, требующий моего личного присутствия. Предлагаю перенести совещание, о времени сообщу.

Никто не возразил, лишь поднялись и протянули руки для рукопожатия. Люди моего круга не задают лишних вопросов.

Мой пилот обладал звериным чутьем, или Джон успел его предупредить. Когда я поднялся на крышу, винт уже был разогнан до взлетных оборотов. Едва я захлопнул дверь, вертолет оторвался от площадки.

Я успел вовремя. Подходил к воротам как раз в тот момент, когда машина с беглянкой въезжала во двор. По дороге уговаривал себя сдержаться. Вдох-выдох. Спокойно.

Но когда увидел ее, прямую как штык, на заднем сиденье, даже не повернувшую головы в мою сторону, самоконтроль рассыпался в прах. Сев рядом, вскользь отметил, что страха в ней нет. Только гнев, отчаяние и что-то еще мутное, нечистое.

И я сорвался. Методично, как на деловых переговорах, расписал, что произойдет с ее семьей, если она повторит свой финт. В полумраке салона ее лицо казалось мертвенно-белым. Она вздрагивала от моих слов, как от ударов, но не проронила ни звука, не уронила ни слезинки. Я ожидал истерики, мольбы, но получил лишь спокойный ответ, почему она это сделала. Она назвала меня полным именем, заставив остановиться на мгновение, всмотреться — бледная. И огромные, кажущиеся черными в темноте салона глаза.

Высказав все, я тут же пожалел. Закрыв лицо руками, пытаюсь стереть накатившие ужас за нее и страх, что перегнул. Что сломал.

— Выходи из машины.

Вышел первым, обернулся. Она еле шевелилась. Я раздраженно качнул головой, снова бунтует. Постарался как можно бережнее взять ее за локоть и потянул наружу. Она поморщилась и как-то неловко ступила на землю.

И только на солнечном свете я увидел... Зрачки были расширены так чудовищно, что казалось, радужек не осталось вовсе. Взгляд — расфокусированный, невидящий. Она смотрела сквозь меня.

В тот же миг ее ноги подогнулись. Я едва успел подхватить, тело сломанной куклой обмякло на моих руках. Руки безвольно повисли, на правой от локтя почти до запястья наливался чернильный синяк. Провел ладонью по волосам и ощутил припухлость на левой стороне черепа.

— Елена! — я выкрикнул ее имя, но она уже не слышала. — Черт! Я же сказал — аккуратно! — вызверился на застывших рядом охранников, подхватывая ее на руки и прижимая к себе, не позволяя голове запрокинуться. — Быстро! Вертолет на медцентр! Предупредите — черепно-мозговая, пусть будут готовы!

Люди бросились выполнять.

А она вдруг шевельнулась. На мгновение вынырнула из забытья и обвила мою шею руками слабо, как ребенок.

— Папочка... — услышал я едва различимый шепот.

Глаза закрыты, из-под век скатились две слезинки. Бредит. Она не понимала, где находится, и кто ее держит.

Что-то внутри меня оборвалось. Придерживая шею и голову Елены, я почти бегом бросился к вертолету.

Усевшись в кресло, не стал ее перекладывать, так и держал. Бережно ощупал голову, едва прикасаясь. Гематома под пальцами пульсировала, и эта пульсация была неправильной: слишком отчетливой, слишком сильной.

— Лед, — бросил я Максиму, сидевшему напротив с виноватым видом. Его вина была минимальной, как раз сегодня у него был выходной. Уже нет, тоже приехал, как только

узнал.

Получив пакет, осторожно приложил его к голове Елены и почувствовал, как ее тело прошла судорога.

Вот тут я испугался по-настоящему. Потерять ее было нельзя. Немыслимо. Невозможно.

А обстоятельства сложились как нельзя хуже, словно сама судьба спланировала этот побег. Мой отъезд. Выходной Макса. Нерасторопный диспетчер, вышедший из комнаты наблюдения в самый неподходящий момент. Уволю на хрен без выходного пособия. Водитель, который должен был выехать именно на этой машине и отвлекся на разговор с женой. Всё совпало идеально, невозможно, абсурдно. Ей удалось то, что не удавалось еще никому.

Очередной спазм. Я крепче прижал Елену к себе, вглядываясь в лицо. Вокруг глаз темные круги, губы посерели. Тяжелое сотрясение как минимум.

Веки задрожали. Она открыла глаза. Взгляд был мутным, но она смогла на секунду сфокусироваться на моем лице. Узнавание, горечь, и тут же зажмурилась, судорожно вздохнув.

— Тише, тише, Елена. Не шевелись. Не думай ни о чем. Просто лежи.

— Сейчас вырвет... — прошептала она.

— Ничего страшного, я помогу...

Придерживая затылок, фиксируя шею, я повернул ее, чтобы не захлебнулась. Макс мгновенно подставил пакет. Те-

ло содрогалось в моих руках, рвало сильно, выворачивая наизнанку. ЧМТ была серьезной — сомнений не оставалось.

Когда она затихла, снова прижал к себе, придерживая пакет со льдом у головы. Принял из рук Макса салфетки, осторожно обтер ей губы.

— Пить... — еле слышно произнесла она.

— Нельзя. Сейчас нельзя. Потерпи, скоро прилетим.

Я наклонился к ней и прошептал, едва касаясь губами ее виска:

— Что же ты творишь, глупышка... Зачем?

Молчание. Глаза закрыты, но дыхание неровное — она была в сознании. И это вселяло надежду.

Вертолет приземлился. Нас уже ждали. Выскочив наружу, я бережно переложил Елену на каталку. Вокруг тут же засуетились.

— Полный чек-ап, — скомандовал я. — Но сначала — голова. Там что-то не так.

Врач — опытный, цепкий — принялся осторожно ощупывать череп. В какой-то момент его пальцы замерли. Он с изумлением качнул головой, осторожно повернул ее голову набок, провел пальцами вдоль шеи до уха, вернулся к затылку.

— У нее отсутствует фрагмент черепной кости. Видимо, была операция на головном мозге.

Меня как током ударило. ЧМТ при таких условиях — это отек мозга. Это...

— Противоотечная терапия, — скомандовал врач.

Елену увезли. Серые створки закрылись.

Я достал телефон и набрал Джона.

— Какого черта, Джон?! — взъярился я, едва услышав голос. — Объясни мне, блядь, как ей удалось сбежать?!

— Алекс, не кипятись. Там реально один долбоёб плюс стечение обстоятельств. Для тебя уже смонтировали записи с камер. Просто нереальные совпадения. А ещё — она мастерски усыпила нашу бдительность. Умная девочка, всё разглядела, всё заметила. И не бросайся на охрану, пацаны и так не знают, чего ожидать от тебя.

— Не бросаться, говоришь? Я дал чёткие указания — остановить ак-ку-рат-но! Это слово можно как-то по-другому интерпретировать?!

— Алекс, она водит как долбанный Шумахер. Видео с вертолёта тебе тоже предоставят — она трижды уходила из их клещей. Да, погорячились. Но ещё немного — и она влетела бы в посёлок.

— Да и хрен бы с этим! — я сорвался на крик. — Ну устроила бы шум, замяли бы! А так — она при смерти, Джон! Слышишь меня?! При смерти!

Я пытался взять себя в руки, но не мог. Перед внутренним взором снова возникло Елена с чёрными, незрячими глазами на белом лице.

— Алекс, ребята не знали, что она не пристёгнута. Не руби сгоряча. Посмотри сначала видео. Я буду у тебя через па-

ру часов.

Чертыхнувшись, отключился, чтобы не наговорить лишнего. Развернулся и с отяжкой всадил кулак в стену. Панель прогнулась с глухим хрустом, боль в костяшках чуть отрезвила. Джон точно ни в чём не виноват — он вообще был со мной на встрече.

Пытаясь унять бешенство, спустился в свой кабинет. Встал под ледяной душ — стоял, пока зубы не застучали. Потом связался с Танаджи. Брат смотрел с экрана сочувственно, но помочь ничем не мог — с моей кровницей мне предстояло разбираться самому.

Зря. Зря так надавил. Ударил ее по самому больному — по семье, по сыну. Я же видел, как она его любит, как светятся её глаза, когда она листает его страницу. Что же послужило спусковым крючком для побега?

Черт. И как я мог забыть. Вчера её официально объявили мёртвой. Она наверняка увидела пост сына в соцсетях. Должен был перенести эту проклятую встречу. Но не перенёс.

Брат терпеливо оставался на связи, выслушивая мой самобичевательный монолог.

— Алексис, — вдруг оборвал он. — Ты забыл. В ней теперь твой мутаген. Он уже частично перестроил её организм. Она выживет — я уверен. Успокойся и перестань бросаться на своих людей. У тебя отличная команда.

— Кроме одного долбоёба, — проворчал я.

— Кроме одного случайно залетевшего, — согласился Та-

наджи. — Теория вероятности, нелепая цепочка совпадений. Выкинь его — и забудь. А давай-ка лучше обсудим поползновения Северных, заодно отвлечёшься.

Я переключился. Северные мутили конкретно — связались с человеческими отморозками по эту сторону, хотели перехватить инициативу. Мы обкатали стратегию, выстроили контрмеры. Когда закончили, я с удивлением обнаружил, что действительно успокоился.

И тут же накрыло воспоминание. Елена на моих руках. Как приникла ко мне, находясь в бреду, не понимая, кто ее держит. А потом осознание и потухший, мёртвый взгляд.

Многое теперь придётся сделать. Хотя — какое там «вернуть доверие». Его ещё не существовало. Его теперь нужно завоёвывать с нуля, с минуса, если точнее.

В дверь постучали.

— Да! — Вошёл врач. Я резко встал, выжидающе глядя на него.

— Мистер Алексис, с Еленой всё хорошо, — произнёс он сразу ключевую фразу, и я почувствовал, как стальная пружина в груди наконец разжалась. — Она отлично отреагировала на противоотёчную терапию. Гематому дренировали. Внутречерепное давление стабилизировали. Мы погрузили её в медикаментозный сон, чтобы дать мозгу восстановиться. Дышит самостоятельно. Прогноз положительный: полное восстановление.

— Что не так с головой? Почему отсутствует фрагмент

кости?

— Доброкачественная опухоль, ее частично удалили. По всей видимости, она полностью потеряла слух на левое ухо.

Я чертыхнулся сквозь зубы. Еще один неожиданный сюрприз. Нужно немедленно дать указание Джону — выяснить про её здоровье буквально всё, до последней справки, чтобы больше никаких таких открытий.

— Полный чек-ап. Ее сильно побросало по салону при столкновении.

— Уже начали. Как раз пока она спит — закончим.

— Что с рукой? — я вспомнил чернильный синяк, расползающийся от локтя к запястью.

— Сильный ушиб и гематома. Кость цела.

Я облегченно вздохнул.

— Спасибо за работу. Жду полный отчёт по её состоянию.

Врач коротко кивнул и вышел. Не успела дверь закрыться, как в неё уже протиснулся Джон — планшет в руках, напряженность в глазах. Проводил взглядом доктора, вопросительно посмотрел на меня.

— Да заходи ты, не жмись, — я расслабленно рухнул на диван, запрокинул голову и закрыл глаза ладонями, ощущая, как из тела наконец-то уходит дикое, звериное напряжение. — С ней всё будет хорошо. Выкарабкается. И ребятам передай — никаких санкций. Но и премии пусть не ждут. Как бы там ни было — упустили.

— Рад слышать, — Джон присел рядом. — Смотри, как

было.

Я сел прямо и принял из его рук планшет. Запустил видео, смонтированное из нарезки камер, и невольно восхитился. Ни малейшей нервозности: чётко, выверено. Моя девочка просчитала каждый шаг, не торопилась, выжидала — и всё сработало. Даже не ускорила, выехав за ворота. Молодец.

— Ого! — не удержался я, когда добрался до записи погони. — И как ты проглядел такие навыки вождения, Джон?

Я с нарастающим изумлением смотрел, как Елена уходила из захватов — искусно, хладнокровно. Вовремя тормозила, вовремя выворачивала руль, удерживая тяжёлую машину на дороге. Казалось, она интуитивно чувствовала каждый следующий манёвр преследователей — на полсекунды раньше, чем он начинался. А скорость какая! И как решилась-то — ещё и умудрялась держать машину.

Когда дошло до сцены блокировки, я поморщился и стиснул зубы. В этот момент отчётливо представил, что она чувствовала — удар, скрежет, как её швыряло по салону. Но вынужден был признать: до населённого пункта оставалось каких-то полкилометра.

— У неё ни одной аварии за десять лет. — В голосе Джона звучала искренняя, уязвлённая гордость профессионала, которого переиграла любительница. — Всего четыре штрафа за превышение скорости. Никаких курсов экстремального вождения, никаких гонок. Она даже на картинге ни разу

в жизни не сидела, Алекс.

Эта пигалица уделала и его.

— Ясно. Диспетчера, надеюсь, уже нет в команде.

— Естественно.

Я помолчал, перебирая в голове то, что нужно было сделать. Много. Очень много.

— Привези её собаку в поместье. Придется приручать заново, — я задумался. — И бери её сына под наше крыло. Пусть у него появится друг. Надежное плечо, поддержка в связи со смертью матери. Ненавязчиво, невзначай, всё должно выглядеть совершенно естественно. Кто он там? Архитектор вроде?

— Да, — подтвердил Джон. — Архитектор-градостроитель.

— Отлично. Предложите стажировку, потом работу с вкусными условиями. Обеспечьте служебной квартирой по окончании так называемого испытательного срока. Что ещё из критичного?

— Брат бухает. Треплет нервы отцу.

Я вспомнил «папочка» на моих руках. — Отца она сильно любит и переживает за него.

— Однозначно, — кивнул Джон.

— Тогда сделайте так, чтобы брат перестал пить. Точно так же аккуратно. Сам разберётся как. Мне нужно, чтобы она не тревожилась за отца. Чтобы видела — брат стал опорой, а не гирей на шее. Что с родителями?

— Боюсь, они по больницам разлетятся. Раздавлены горем.

Я поморщился. Сложности на сложностях. Они уже в возрасте — любой удар может стать фатальным.

— Значит, сделай так, чтобы попали по какой-нибудь программе к хорошим специалистам. Обеспечь психолога, поддержку, сопровождение. Они должны остаться живы и в здравии. Работай. И да, — я поднял палец, — узнай всё про здоровье Елены. Всё. Подними данные от самого рождения.

— Опасно сейчас, — Джон покачал головой. — Интерес к медкартам покойницы может вызвать подозрения.

— Но ты же любишь сложные задачи, Джон, — я приподнял бровь. — Вот тебе занятная работенка.

Он усмехнулся и кивнул. — Принял.

— Пока Елена спит и приходит в себя, я отъеду. Нужно закончить прерванную сделку. И вообще — закрыть срочные дела за три дня. Потому что следующую неделю, а может и две, я не отойду от неё ни на минуту. Иначе потеряю. Рядом останется только тело, пустое, холодное, а её самой уже не будет.

— Хорошо, Алекс. Удачи. — Он сделал несколько пометок в планшете. — Сделаем всё, чтобы твоя строптивица начала тебе доверять.

— Ах да, — я качнул головой, поджав губы, — бывший муж, объелся груш. Сделай так, что и у него было стабильно и нормально в жизни: неожиданный партнер. Сам решай, как

лучше. Вот про кого мне думать совсем не хотелось, так это про него.

Джон протянул руку, прощаясь, и вышел. А я ещё поси-
дел, уставившись в стену, позволяя покою медленно запол-
нять грудную клетку. Она будет жить. Всё будет хорошо.

Набрал номер партнёров, ещё раз принёс извинения за со-
рванную встречу и пригласил в ресторан для возобновления
переговоров. Согласились без колебаний — сделка была вы-
годна и им. Заодно и Северным хвост прижму.

Но прежде — связался с медперсоналом, узнал, где она,
и направился в палату.

Елена лежала в реанимации. Лицо почти полностью скры-
вала кислородная маска, мерно пикали мониторы, но дыша-
ла она сама — ровно, глубоко, спокойно. Кожа чуть порозо-
вела, хотя под глазами по-прежнему залегали тёмные тени.
Она спала, и выглядела безмятежной — маска горечи нако-
нец исчезла.

Я тихонько провёл ладонью по волосам, убирая прядь со
лба.

— Прости. Недоглядел. Недооценил. Не предполагал, что
ты настолько бойкий хомячок. — Я скривился, все еще злясь
на себя. — Больше никаких угроз. Только хорошие новости
для тебя. Отдыхай, девочка.

Наклонился и коснулся губами её лба, жадно вдыхая запах
— тёплый, живой, едва пробивающийся сквозь больничную
химию. Чувствовал: угрозы для жизни нет. И это ощущение

наполняло меня тихой, незнакомой ранее безмятежностью.

Ещё раз дотронулся до волос, наблюдая, как темные пружинки выскальзывают из пальцев. Выпрямился. И быстро вышел из палаты. Дела ждать не будут.

Эти три дня я жил в режиме конвейера — встреча за встречей, переговоры за переговорами, методично расчищая себе время для Елены. Спал урывками, ел на ходу. Каждый подписанный контракт, каждая закрытая сделка — ещё один день, который я смогу провести рядом с ней.

Под вечер третьего дня позвонил Джон.

— Завтра будят. Через минуту сброшу всю нарытую информацию. Есть нюансы по здоровью: кое-чем стоит заняться.

— Мой мутаген многое может поправить, — вспомнил я слова Танаджи.

— Нужно смотреть, что покажет свежий чек-ап.

— Что по родственникам?

Я спрашивал коротко, по существу — до утра предстояло проверить ещё пару дел.

— Начал. Есть подвижки. Сброшу отдельным отчётом, — Джон давно перенял мою манеру речи: чётко, сухо, без воды.

— У неё есть друзья?

— Почти нет. По пальцам одной руки. По сути, одна близкая... даже не подруга — знакомая. А так она довольно закрытый человек. Общается со многими, но к себе подпускает буквально единиц.

— Кто?

— Хозяйка конюшни. Я ещё в первом отчёте давал по ней информацию.

— Ах да, лошади... — я досадливо потёр лоб. Совсем забыл про любовь Елены к этим созданиям. — Вот с ними будут сложности. Лошади нас к себе вообще не подпускают.

Я помолчал, прикидывая.

— Ладно, будет ездить с Максом. Высылай отчёт. Завтра с утра буду в медцентре. И пришли последние фотографии с её сыном. Ах да, посмотри, чем можно помочь и этой хозяйке конюшни. Лишний козырь не помешает.

Джон отключился, а я снова погрузился в аналитику по связям Северных на Земле. Один момент вызывал отчётливое беспокойство. Их земные приспешники явно играли в свою игру — Северные теряли нить контроля, а эти людишки, похоже, возомнили, что могут диктовать нам условия. Опасное заблуждение. Интересно, как скоро они осознают свою ошибку. Впрочем, к тому моменту осознавать будет уже нечем.

Утром я уже был в медцентре. Вызвал врача, выслушал доклад по результатам чек-апа. В целом неплохо — мутаген действительно многое поправил, хотя и не всё. Ладно, и с остальным разберёмся. Одно за другим.

— Давно разбудили Елену? — уточнил я.

— Буквально пятнадцать минут назад. Ввели препарат.

— Как она?

— Всё в норме, мистер Алексис. Удивительно, но последствия черепно-мозговой практически отсутствуют. Нужно будет снизить нагрузку на зрение: пара дней без чтения, без телефона, без планшета. Назначения переданы Ольге, она проследит за правильным введением препаратов после выписки.

Врач не знал, кто я на самом деле. А значит, не догадывался, что удивительно быстрое выздоровление Елены напрямую связано со мной.

— Когда можно забирать?

— Давайте подождём до завтра. На всякий случай понаблюдаем, а потом можно выписывать.

Чуть качнув головой, я направился к палате.

Открыл дверь — и встретился с её взглядом. Абсолютно пустым. Безразличным.словно из этих глаз ушло всё живое, остались только зрачки, без единой эмоции застывшие на моей фигуре.

Что ж. Просто не будет.

Елена

Меня настойчиво звали.

— Елена.

— Елена, откройте глаза.

Голоса не отставали, назойливые, как мухи. Я пыталась отмахнуться, но тело не слушалось.

Внутри всё было вязким, словно я плыла через густой кисель, и каждое движение мысли давалось с трудом. До созна-

ния постепенно начали доходить другие ощущения: прикосновения, лёгкие поглаживания по щеке, по плечам. И снова требовательное:

— Просыпайтесь, Елена. Попробуйте открыть глаза.

Я рассердилась, но веки не желали подниматься.

— Введите стимулятор, — услышала я сквозь вату.

Сердце застучало быстрее, кровь побежала резвее, и я смогла разлепить веки. Уставилась на знакомый до боли потолок. Снова больница. Вокруг суетились белые халаты, спрашивали что-то, пытались добиться ответа.

А я молчала. Воспоминания возвращались одно за другим. Попытка побега.... Неудачная. Погоня. Удар. И слова блондина — жёсткие, тяжёлые, не оставляющие мне выбора.

— Прошу вас, прекратите, — просипела я, когда кто-то принялся массировать мне плечи. — Я в норме. Сейчас окончательно приду в себя.

— Что-нибудь болит? — тут же подхватил врач.

Я чуть качнула головой.

Он поднёс к моему лицу руку с двумя оттопыренными пальцами.

— Сколько пальцев видите?

— Немного двоится... но два.

Я поморщилась. Невозможность сфокусировать взгляд раздражала. И эти люди, бегающие вокруг, тоже раздражали.

Я шевельнула левой рукой и не смогла. Скосила глаза: мягкий наручник приковывал ее к ограждению кровати.

— Это что?

— Это для вашей безопасности. — Врач отвёл взгляд.

— Отдыхайте, Елена. Скоро подойдёт медсестра, поможет с умыванием, принесёт завтрак.

Наконец меня оставили в покое. Чувствовала себя на удивление неплохо: голова ясная, тело слушается. Почти.

В памяти всплыли угрозы Алекса. Каждое слово — отчётливо. Сын. Муж. Налоговая. «Не стоит меня злить, девочка».

Да, легко быть гордой, когда ты рискуешь только собственной шкурой. Но когда от тебя зависит жизнь твоих близких, твоего ребёнка...

Смогу ли я продолжить в том же духе?

Нет, — призналась я себе честно. Мне придётся смириться. Принять его условия. Играть по его правилам.

Чёрт...

Я закрыла глаза ладонью, — и осознала: правую руку не зафиксировали. Интересно, забыли или намеренно? Нажала кнопку, приподнимая спинку кровати повыше. Потрогала браслет на левом запястье — нет, просто так не расстегнёшь. Ладно, чёрт с ним.

Дверь открылась. На пороге стоял Алекс.

Я смотрела на него спокойно. Впервые бесстрастно, без эмоций, просто раскладывая по полочкам, словно инженерный расчет. Да, красив. Жёсткие черты лица придавали особый, хищный шарм. Силён — нет, очень силён, поправила я себя, вспоминая, как легко он таскал меня на руках.

Заметила тревогу в его взгляде. Он шагнул внутрь, подвинул кресло вплотную к кровати и сел, не сводя с меня взгляда.

— Как ты, Елена?

— Прекрасно.

Я старалась удержать голос ровным, не дрогнуть, не выдать себя. Это было чертовски сложно. Мне хотелось схватить что-нибудь тяжёлое и со всей дури опустить на эту блондинистую голову.

— Елена. — Он оставался невозмутимым. — Ты слышала, что будет, если начнёшь дурить. Теперь позволь рассказать, что будет, если ты смиришься и согласишься на союз со мной.

Я не смогла сдержать удивления. Союз. Какой ещё союз? О чём он вообще? Я его пленница и только. Но...

— Я слушаю вас, — нашла я в себе силы ответить.

— Я возьму под крыло твоего сына. Он никогда не будет ни в чём нуждаться. Ему обеспечат полную безопасность. Всегда, что бы ни произошло. Подожди, дослушай. — Он поднял ладонь, увидев, что я набираю воздух. Ничего особенного я не собиралась высказывать, просто хотела спросить, как он себе это представляет. — Я не буду помогать ему открыто. Просто хорошая работа под присмотром кураторов. Знакомый, который окажет моральную поддержку.

Он замолчал, глядя на меня. Я не пошевелилась, и он продолжил.

— Ему предложат должность. Будут плотно курировать. Предоставят служебную квартиру. Как тебе такое развитие ситуации?

Он старался говорить мягко, и я криво усмехнулась. Кнут и пряник. Классика.

— Меня такое развитие полностью устраивает.

— Дальше твои родители. Им конечно тяжело. Да, мне сложно понять в полной мере — у меня пока нет наследников...

Слово «наследники» резануло слух. Какая-то совершенно чуждая, нечеловеческая логика: союз, наследники. Похоже на заключение контракта, а не на разговор о живых людях. Хотя... может, так и проще. Без иллюзий.

— Я обеспечу им хорошее лечение, — продолжал он. — Их поддержат, тоже не напрямую. Они попадут в региональную программу поддержки пенсионеров, и под этим прикрытием им максимально восстановят здоровье, насколько позволит возраст. Все возникающие проблемы будут решаться.

Он замолчал, ожидая ответа.

— Мой отец не оставит брата. — Я скривилась. Этот великовозрастный обалдуй вместо того, чтобы поддержать отца, создает ему проблемы. — Папа просто не ляжет в больницу, побоится оставить его без присмотра.

— Ничего. Зато в больницу ляжет твой брат, — жёстко отрезал Алекс. Глаза его на мгновение заledenели, но тут же взгляд смягчился. — Он пройдёт принудительное лечение. Я

организирую это быстро. Больше к спиртному не прикоснётся. Гарантирую.

Я удивилась. Как он сможет это организовать? Подставит? Да и лечение зависимости — дело непростое. Такие люди всегда могут сорваться. Всегда. Но спорить не стала.

— И вы не тронете моего мужа, — сказала я, глядя ему прямо в глаза.

Реакция последовала мгновенно. Лицо застыло, губы презрительно скривились.

— Бывшего мужа, Елена. Не трону. Обещаю. И даже кое в чём помогу. Так что скажешь на моё предложение?

Я смотрела на него, оценивая. Наверняка потребует большего. Наверняка дело дойдёт и до физических отношений. Я внутренне содрогнулась, но тут же поймала себя на неожиданной мысли: а ведь в целом... не так уж и против. Он привлекал. Привлекал физически, отрицать это было бессмысленно. И ради благополучия близких...

— Я принимаю твои условия, Алексис, — ровно произнесла я, с удовлетворением отмечая, как чуть расширились его зрачки от двойного удара: моего перехода на «ты» и полного имени. А внутри всё полыхало, и желание врезать ему не ослабло ни на грамм.

Я приподняла зафиксированную руку.

— В этом больше нет необходимости. Даю слово — никаких попыток побега.

Он нахмурился, встал и ощупал наручник. Дотронулся до

кожи, вызывая толпу предательских мурашек в животе.

— Это не моё указание, Елена. Не шевелись.

Он обхватил мою кисть, придерживая браслет, и резко дёрнул другой рукой. Металлическая цепочка лопнула с тихим звоном. Я даже рывка не почувствовала, только кровать подо мной качнулась.

Он снова посмотрел на меня, чуть склонившись, и в его глазах мелькнуло что-то, чему я не смогла подобрать название.

— Для тебя я Алекс, девочка. Рад, что мы договорились. Выпрямился.

— Тебе пока нельзя напрягать глаза, но кое-что я покажу.

Достал планшет и вложил мне в руки, активируя экран. Это было ударом под дых. Я увидела сына. Мой Мишка, смотрящий прямо в объектив, видимо, какой-то камеры наблюдения. Руки задрожали, и блондин перехватил планшет, не давая уронить. Проллистнул дальше — Мишка на лавочке, вполоборота, и девушка обнимает его за плечи. Ещё фото. Ещё. Мой сын...

А потом он, едва касаясь, стёр слёзы с моих щек. Я даже не заметила, когда они потекли.

— Не плачь, Елена. У него всё будет хорошо. И ты всегда сможешь видеть его. Пусть и вот так.

Я резко отшатнулась. Но его вторая ладонь легла мне на затылок, мягко, но непреклонно удерживая, не давая отстраниться.

— Нет, малышка. Так не пойдёт. Я не отпущу тебя. И не дам закрыться от меня в своей раковине. Не дам выстроить стену. Не надейся.

Он удержал мое запястье, нарочито медленно наклонился и легко поцеловал кончики пальцев. Внутри снова прокатилась предательская дрожь, душа рвалась надавать наглцу по роже, но тело... тело меня подводило. Отзывалось на его прикосновения помимо воли, помимо разума, помимо всего.

Я вздохнула, закрывая глаза.

— Отдыхай пока. — Он забрал планшет. — Завтра поедем домой.

— Я свихнусь от безделья, — выдавила я глухо.

— Ты можешь послушать аудиокниги. Любые, какие попросишь, — коротко ответил он, прикоснувшись к моей щеке и вынуждая открыть глаза.

— Я не только про сегодня. Я хочу работать. Я хороший специалист — инженер-теплотехник. Моему мозгу нужна нагрузка, иначе я действительно сойду с ума.

— Давай ты сначала немного придешь в себя. — Он улыбнулся, почти по-человечески. — Я знаю, как ты пахала на износ. А потом вернёмся к этому вопросу. Я оценил твой потенциал. Думаю, мы найдём ему применение. А сейчас — просто позволь себе расслабиться.

Блондин вышел, и палата наполнилась тишиной.

Я откинулась на подушки. Хотелось плакать от собственной беспомощности, но нельзя, накачают успокоительным, и

буду лежать овощем.

Дверь снова открылась. Вошёл Макс, и я невольно улыбнулась — его виноватый вид мог бы растрогать даже памятник.

— Доброе утро, Елена. Какую аудиокнигу вы хотели бы прослушать?

— Что такой виноватый? И давай на «ты». Мне так будет проще. — Я собрала остатки сил на улыбку. — Ты тут вообще ни при чём. Тебя даже рядом не было.

— Вот именно. — Парень нахмурился. — А если бы был, ничего бы с тобой не случилось. Спасибо, с удовольствием перейду на простое общение. Так какую книгу?

— «Космоолухи». Серия романов Ольги Громыко.

Всё, что я попросила, предоставили быстро. И наконец оставили в одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.